

Надежда ЖИРКОВА

ХРУСТАЛЬНЫЕ ГРАНИ

Сборник рассказов

Книга вторая

г. Шахты

2024г.

ББК 84(2Рос-Рус)
Ж-73

Жиркова Н.Н. — Хрустальные грани. Сборник рассказов.
Книга вторая. Типография «Квадрат»,
г. Шахты, — 2024г. —128 стр.

ISBN 978-5-4382-0018-5

©Жиркова Н.Н., 2024 г.
©Типография «Квадрат», г. Шахты, 2024 г.

© Обложка — Жиркова Н. Н., 2024 г.

Об авторе

Родилась Надежда Николаевна Жиркова, урождённая Королёва-Романова в селе Семибалки Азовского района Ростовской области, в большой трудовой семье. Окончила «Московский пищевой институт». С 1971 года живёт в Ростове-на-Дону. Часто приезжает на свою малую Родину. Пишет стихи и прозу. Её первые стихи были опубликованы в газетах «Жизнь» и «Приазовье» в 2010-2011 годах. Жиркова Н.Н. — кандидат в члены Союза писателей России с 2020 года. Печаталась в областных литературных альманахах "Современник» и «Спутник». Она — автор отдельных книг: «Зов крови» (2009 г.), «Хрустальные грани. Книга первая» (2011 г.), «Во имя жизни. Повесть» («2012 г.), «Бабушкины рассказы» (2013 г.), «Вдохновение. Стихи» (2014 г.), «Клятва. Рассказы для детей» (2017 г.). Надежда Николаевна принимает активное участие в творческих мероприятиях городских библиотек (библиотеке им. И. В. Мичурина и библиотеке им. Л. Н. Толстого). Выступает на площадках города. Проводит встречи с учащимися городских школ. Она награждена дипломами первой, второй, третьей степени, за участие в конкурсах прозаиков; награждена также благодарственными письмами. Новая книга Н.Н. Жирковой «Хрустальные грани.» Сборник рассказов. Книга вторая» знакомит читателя со всевозможными жизненными ситуациями: трагическими, драматическими, комическими. Некоторые рассказы навеяны автору воспоминаниями о прошлом. Рассказы Н.Н. Жирковой пробуждают у читателя любовь к родному краю, к животным, природе, заставляют сочувствовать героям рассказов.

Рассказы

Что нужно женщине для счастья

Рассказ

*Посвящается Елене Дмитриевне
Куприяновой.*

Она шла по аллее городского парка, не спеша, с интересом рассматривая деревья, газоны и клумбы, отмечая то там, то здесь приметы просыпающейся природы. Весна приходит незаметно. Собранные в небольшие кучи прошлогодние сухие листья лежат серыми горками у бордюров. В тени кустарников ещё лежит снег, темнеющий и начинающий таять от первых ярких лучей солнца. И, несмотря на холодный ветер, мартовское солнце постепенно и уверенно начинает прогревать землю и остывший за долгую зиму воздух.

В этот час парк был почти пустой. Лишь кое-где можно было видеть одиноко сидящих на лавочках пенсионеров да неспешно гулявших по дорожкам парка молодых мамаш с колясками.

Вот и закончился обычный рабочий день. И хотя дорога к дому была неблизкой, она решила пройти это расстояние пешком. Хотелось подышать свежим воздухом, да и не было особого желания спешить в каменную клетку, где ожидала, как всегда, хозяйственная рутина.

Невысокого роста, подтянутая, эта женщина издали была похожа на подростка. Серо-голубой шарф подчёркивал тонкие черты лица, оттеняя виски, давно присыпанные серебром седины. Лицо женщины озарила светлая улыбка.

Надежда Миркова

«Да! — подумала она. — Весна уже просвечивается на каждом шагу». Она приложила руку к глазам, прикрываясь от солнечных лучей, и посмотрела в высокое голубое небо. «Надо же, — отметила про себя, — небосклон ясный и чистый. Лишь вдали, постепенно опускаясь с высоты холодного пространства, собираются кучевые облака...». В её мысли вмешалось весёлое чириканье стайки воробьёв, затеявших между собой весенний переполох.

Новые чувства всколыхнули душу этой немолодой женщины, направив мысли в непривычное для неё русло мечтательности.

«Почему так происходит, — спрашивала она себя, — что наступление весны всегда (это было в детстве и в молодости, да и сейчас) нарушает мой душевный покой? Что-то томит, и какое-то радостное чувство берedit душу. Необъяснимое беспокойство не даёт сосредоточиться, словно кто-то зовёт. И от этого чувства замираешь в ожидании чего-то необыкновенного. Словно никогда ещё не испытанная страстная печаль наполняет сердце, вдруг налетает внезапная тоска: о ком, о чём? То сердце ликует от беспричинной радости, то вдруг начинает томиться от такой же беспричинной тоски. Но тоска эта проходит, как серые тучи по небу, — без грозы и грома...». В её груди рождалась нежность, непонятная радость, и всё существо наполнялось живительной силой молодости.

Словно и не было прожитых тревожных лет. Все проблемы вдруг ушли, затаились в складках сознания. Женщина всем сердцем почувствовала красоту весеннего парка, вдохнула полной грудью наполненный свежестью воздух. Пьянящий мартовский, он заполнял её лёгкие. Сколько запахов, тонких,

пока еле уловимых, бродило в нём! Она вдыхала, раз за разом, и никак не могла напиться первозданного аромата весны. А весёлые лучи мартовского солнца продолжали свой бег, окутывая ярким чистым светом всё вокруг.

На одной из скамеек парка сидел молодой парень. Частенько поглядывая на часы, он отсутствующим взглядом провожал прохожих и нервно теребил в руках маленький букетик оранжерейных цветов. Проходя мимо, она дружелюбно ему улыбнулась и продолжила свой путь. Юноша встал с лавочки и окликнул женщину:

— Можно вас на минутку?

— Вы меня? — с удивлением спросила она.

— Да, да, вас! — он подошёл к ней ближе и протянул цветы. — Это вам!

— Мне? — ещё больше удивилась немолодая женщина, принимая неожиданный подарок. Её серо-голубые глаза вдруг засверкали, тень опущенных тёмных ресниц упала на зарумянившиеся щёки. Она сама не знала, как была хороша в этот миг! Нежно прижав к разгорячённым щекам букет жёлтых тюльпанов, и вдыхая их сладковатый тонкий аромат, она вдруг ясно осознала, чего ей так не хватало для Счастья. Пусть уже давно немолодой телом, но юной душой, очень сильно захотелось мужской ласки, внимания и нежности. Захотелось быть любимой, желанной, ведь в последнее время она всё чаще чувствовала себя одинокой даже среди своей семьи. На первое место вставали житейские проблемы, и свои желания ей приходилось прятать как можно глубже, в самые сокровенные уголки души. Она гнала от себя подобные чувства, и с годами заключила себя в жёсткий железный кокон, ощущая среди

Надежда Миркова

родных ей людей страшную пустоту и одиночество, как в густом дремучем лесу. Словно заблудилась и не могла найти дорогу назад...

А так хотелось быть просто слабой женщиной! Хотелось освободиться от суеты, стать маленькой и беззащитной, переложить часть груза житейских проблем со своих плеч на другие — более сильные и надёжные. «Вот тогда, — думала она, — исчезло бы постоянное состояние тревоги и ушли бы в прошлое бессонные ночи...»

Женщина шла, нежно прижимая к груди ярко-жёлтые тюльпаны. А мысли в голове пчелиным роем жужжали и больно жалили: «Пусть на миг, но всё же даже такой молодой парень заметил во мне неувядающую женственность, решив именно меня осчастливить в этот день. Как редко стали дарить цветы!» От этих навязчивых мыслей защемило и учащённо забилося сердце. Не верилось, что маленький букетик может вывернуть всю душу наизнанку, и от этого зазвенят весенними переливами самые тонкие струны её души.

Женщина ещё раз мысленно поблагодарила незнакомца за прекрасный неожиданный подарок, который вскрыл железный ларец и освободил, выпустил на белый свет столько чувств, ею уже давно забытых. Она резко остановилась на полдороге, оглянулась по сторонам, прижалась сильнее к жёлтым бутонам и весело, задорно рассмеялась. А потом пошла дальше по бульвару, награждая встречаемых прохожих изумительно тёплой улыбкой. Многие из них останавливались, улыбались в ответ, провожая необыкновенную даму восхищёнными взглядами.

Дома, поставив букет в вазу, она посмотрела на него с нескрываемым восторгом. «Ведь не зря же он выбрал именно меня среди посетителей парка, — думала она. — Это знак судьбы, в моей жизни обязательно произойдут хорошие перемены». Надежда на счастье вновь раскрылась в сердце ярким, теперь уже жёлтым бутоном и заставила поверить в чудо.

Март 2015 г.

Ветер перемен

Рассказ

Ирина раскладывала товар, когда к её лотку подошёл седовласый покупатель, попросил показать наволочки на подушки из качественной ткани. Мужчины такого склада редко обращали внимание на сугубо женский товар, поэтому она безразлично взглянула на него, выложила на прилавок наволочки разных размеров и расцветок.

Необычный покупатель внимательно рассматривал текстильную продукцию. Ирина терпеливо ждала, наблюдая за его действиями, но всё же не смогла сдержать сарказма, насмешливо подчеркнула:

— Вы, я вижу, один из тех редких индивидуумов, кто разбирается в тонкостях тканей. Знала, что такие люди есть, только ни разу не встречала, и многие женщины о них ничего не знают!

Её едкое замечание странного покупателя не возмутило, наоборот — он внимательно и с какой-то теплотой посмотрел на продавца, выбрал, отложил в сторонку две наволочки, попросил завернуть, оплатил, но не спешил уходить, про-

Надежда Миркова

долгая стоять у прилавка, словно хотел что-то сказать, но не знал с чего начать.

Ирина заметила это замешательство, у неё появилась маленькая возможность предложить ещё что-нибудь из своего товара:

— Советую: простыни для комплекта, есть такой же расцветки, есть наборы из Шуйской ткани — односпальные, евро и двуспальные.

— Нет, спасибо, я приобрёл именно то, что мне заказывали. Он продолжал смотреть на женщину как-то странно, и для Ирины вся сложившаяся ситуация была не понятна, вызвала раздражение.

У неё появилась жёсткость во взгляде, улыбка с лица исчезла, она желала одного — распрощаться с назойливым покупателем:

— Вы расстроены? — его тихий, но уверенный голос немного охладил её раздражительность. — Чтобы вы успокоились, давайте просто поговорим, — покупатель многообещающе ей подмигнул. — Послушайте одну забавную историю, которая перевернула мою жизнь. — При этих словах в его карих глазах отразилась тихая нежность.

Непонятная перемена во взгляде совсем незнакомого человека, в душе женщины вызвала вновь бурю чувств, любопытства и интереса. Что-то в этом взгляде притягивало, настораживало и будоражило сознание. Он смотрел на неё с каким-то снисхождением, это ощущалось в движениях, в голосе и даже в наклоне головы:

— Восемь лет назад умерла жена, мы остались втроём с девочкой подростком и старенькой, очень больной бабушкой, чьё здоровье ухудшилось со смертью единственной до-

чери. Жизнь на десятки лет превратилась в безрадостное существование. Но однажды в автобусе мне приглянулась незнакомка, что сидела у окна. Её образ притягивал взгляд: короткая стрижка «сглаживала» возраст, а чёрная куртка с капюшоном,

Отороченным мехом, подчёркивала стройность женской фигуры, небольшая сумочка лежала у неё на коленях. Прекрасная незнакомка уловила мой к ней интерес, подняла на меня свои обжигающие глаза, улыбнулась. Взгляды наши встретились, из автобуса вышли вдвоём. С тех пор живём вместе.

Он взял с прилавка приобретённую попку и сказал:

— Жизнь странная штука, не знаешь, где найдёшь или потеряешь. Я желаю и вам найти своё счастье, оно рядом, только его трудно заметить в нашей скоротечной суете. Вы достойны счастья, не унывайте, боритесь, и верьте в себя! Ирина слушала, и вдруг по спине пробежал мерзкий, липкий холодок. В груди зашевелились змейки чёрной зависти к незнакомой женщине, а этот лощёный интеллигент влез в её душу железным когтем, вытащил на поверхность из затаённых складок огромный пласт горечи, в памяти острыми иголками отозвалась глухая боль невыплаканных слёз, несостоявшегося личного счастья. Она почувствовала себя мотыльком с обожжёнными крыльями.

— Забирайте свою попку и уходите, мне пора домой, все продавцы с рынка давно ушли, только я с вами впустую трачу время! — больше она не смогла проронить ни слова, внезапно подступили слёзы.

Ирина спешила уйти подальше от навязчивого покупателя, который продолжал стоять у закрытого ларька и смотрел ей вслед. Она шла, ускоряя шаг, ей хотелось

Надежда Миркова

побыть в этот миг одной. Торопясь, бежала Ирина от себя и своих душевных терзаний, и не замечала перемен в природе — небо потемнело, подул колючий ветер, он гнал по небу свинцовые тучи.

Горькие мысли роликом из тысячи кадров всколыхнули всю прожитую жизнь:

«Да, мне тоже хотелось надёжной и крепкой семьи, быть любимой женой и матерью, поддержки от родных в сложных жизненных ситуациях. Безусловно, я сама своими руками слепила всё, что получила, не всегда поступала правильно. А кто знает — как правильно? Приходилось работать за троих, муж — из племени лентяев, безразличный к проблемам семьи. Возможно поэтому, удача и достаток обходили наш безрадостный дом стороной. Родня у мужа большая, понятно, между собой очень не ладили, часто пироги летали по улицам, когда они выясняли друг с другом отношения. А я — камень преткновения, невестка-бесприданница.

Свекровь не тратила время даром, разными кознями пыталась выжить меня, развести. Мой муж первым сдал позиции, не выдержал постоянных скандалов в доме, «сломался», нашёл утешение в бутылке, всё чаще задерживался на работе, заводил новых подружек. К сожалению, и дети сторонились меня, своей матери, и родной дом стал для них карцером.

Дочка — девочка одиннадцати лет перешла жить к подружке, сын нашёл себе пристанище в общежитии, настало время и мне искать другой угол.

Ночами, в пустой съёмной квартире, на чужой кровати, думы о детях, о муже, не давали уснуть. Я жалела супруга, оправдывала, забывала обиды, а когда он просил

вернуться, возвращалась с надеждой и верой. А вдруг всё наладится? Ведь знала его другим — милым, добрым парнем. Разгульная жизнь довела моего единственного любимого человека до белой горячки и психушки. До последнего мгновения я боролась за его здоровье, но не уберегла, умер рано, ему не было и пятидесяти лет.

Дети словно сговорились, устраивали состязание, кто из них сделает матери больнее. Сын связался с дурной компанией, и чтобы они отвязались, пришлось от них откупиться. Дочь приходилось ловить по ночным улицам с ребятами постарше. Уговоры, беседы не приносили результата, уроки свекрови дали свои плоды. Правду говорят в народе: «Пришла беда — отворяй ворота».

Ко всем несчастьям добавилось ещё одно — со стороны самых родных и близких. Отец лишил меня наследства, всё отписал брату и средней сестре. Только меня, младшую дочь, просто вычеркнул из жизни и забыл. А я в это время пыталась выстоять, не упасть, но родные дружно копали для меня глубокую яму. Старший брат приложил для этого немало сил и мерзкой лжи. Он и средняя сестра тянули, как говорится, одеяло на себя. Зачем делить пирог, когда есть своя семья и свои дети? Так вот и вышло, что родная младшая сестра стала без вины виноватая во всех грехах, которые никогда не совершала. В моей душе разгоралась обида на родную мать, брата и сестру, в их сердцах не зародилось зерно сострадания, любви к ближнему, только предательство, жадность и подлость».

Ирина не замечала времени, часами бродила по пустынным улицам, призраки прошлого не отпускали. Устав, оста-

Надежда Миркова

новилась перед небольшим сквером, присела на скамейку, старалась скрыть слёзы от редких прохожих:

«Одна, во всём хаосе своей горемычной жизни! В моей груди разрасталось огромное желание всё бросить, разорвать замкнутый круг и бежать, бежать, уехать как можно дальше, и может быть, всё само собой изменится. Но я не смогла решиться, внутренний страх не давал разорвать железные цепи, которые связывают с постылой семейкой мужа, алчными родными. Они создали для меня на земле ад! Сорок семь, большая часть жизни прожита, и уже вдова, самые сладкие годики прошелестели осенним листопадом. Беды не желали отступить, приклеились, прижились, не оторвать. Из-за постоянных стрессов здоровье ухудшилось. Медикам пришлось приложить огромные усилия, чтобы выхватить меня из лап смерти во время очередной операции. Вся моя жизнь — огромная чёрная полоса безысходных проблем».

Ирина долго сидела на скамейке, придавленная грузом воспоминаний, они буравчиками сверлили виски тупой болью, отзывались в сердце, не было сил встать, идти домой: «Странно, всех кого любила, в кого верила — предали» — с горечью подметила она. Память вернула ход её мыслей к рассказу покупателя, она грустно улыбнулась, и проговорила вслух:

— Желаю им счастья, они заслужили, прошли через многие испытания, нашли друг друга, а всполохи моей зависти улетучились, их разогнал ветер перемен.

Она глубоко вздохнула полной грудью, расправила плечи, осмотрелась: «Интересно, как это я здесь очутилась? Почему-то это место мне незнакомо!» Ночь медленно растворялась в наступающем рассвете. Свет фонарей всё ещё освещал

шал сквер, затерянный в большом городе. Маленькие снежинки медленно закружились в воздухе, укутывая Ирину белым покрывалом. Она подставила руку, и холодные капельки, которые образовались в ладошке, прикладывала к разгорячённым щекам: «Вот я и выдержала все удары судьбы, высшие силы добавили мне ещё один виток земного времени, нужно обязательно воспользоваться этим шансом, попробовать начать всё с начала, отбросить сомнения, поверить в себя. Станный покупатель поделился со мной искоркой своей любви, душевным теплом, он заглянул в мою душу, словно в глубокий колодец, увидел там лёд и попытался растопить там огромный айсберг. Это всё не случайно!» — подумала Ирина. В её душе буря улеглась, тоска и боль растворились вместе с прошедшей ночью, женщина почувствовала облегчение, лёгкость во всём теле. Круговорот назойливых мыслей улетучился, её душа стала невесомой, появилось огромное желание съесть что-нибудь. Неожиданно рядом со скамейкой остановился мужчина с собакой.

— Помощь нужна? — он наклонился, осторожно тронул женщину за плечо. — Вам одиноко, я могу чем-то помочь? — поинтересовался прохожий, подумал и присел рядом.

— Вы не замёрзли? Почему вы одна в сквере в такой час? — он задавал вопрос за вопросом, но ответа не получал. Собака подошла женщине, заглянула в её глаза, положила морду на колени.

— Не бойтесь, она всё понимает, чувствует ваши переживания — это Вита, мой единственный друг, — дружески предупредил прохожий.

Ирина, молча, смотрела на незнакомца и собаку: «Какие странные события происходят со мной в последнее время! И

Надежда Туркова

всё почему-то связано с незнакомыми мужчинами. Главное, ничего плохого ночью не снилось» — подумала она. Ей вдруг стало приятно от простого дружеского участия, от теплых слов незнакомо-го прохожего. Она незаметно встряхнула головой, словно сбрасывала остатки былых переживаний.

— Мы с Витой можем проводить вас домой? — мужчина поднялся со скамейки и подал ей руку. Втроем они вышли из сквера и зашагали. Куда? Быть может, навстречу новому дню?

Лесная гостья

Рассказ

Раннее утро. Моросил мелкий, но тёплый дождь. Капли падали на пыльную дорогу и такую же пыльную траву. Деревья притихли и стояли в ожидании живительной влаги, посланной им с небес. Слышен был только тихий шелест листьев под каплями дождя. На улице — ни души...

Но вот в одном из домов со скрипом открылась дверь, и на крыльцо вышла женщина невысокого роста, с наброшенным платком на плечах. Осторожно, словно боясь нарушить тишину, она спустилась с крыльца на дорожку, вернулась за угол дома и поспешила к сараю, который тёмной массой возвышался в конце двора. Двери были слегка приоткрыты, и она, как мышка, проскользнула в проём.

Через некоторое время из этой же хаты вышел на улицу грузный, высокого роста мужчина и, не спускаясь с крыльца, хриплым прокуренным голосом позвал:

— Клавка, ты где? Прячешься? Все равно найду и убью! Куда бутылку вина дела? Говори, а то хуже будет!

Но в ответ — только шум дождя да дуновение ветерка, который легонько играл с листвою деревьев и кустарников.

Мужчина закурил, постоял некоторое время на крыльце, глядя в сумрачный рассвет. Ему не очень-то хотелось идти под дождь и, что-то ворча себе под нос, почёсывая взъерошенные волосы, он пошёл назад в хату.

Клавдия слышала голос мужа, но хранила молчание не из-за его угроз. Сразу за порогом сарая, на земляном полу лежала большая змея. То ли она спала, то ли была мертва — женщина не могла понять, ведь тусклый свет маленькой лампочки, горевшей под потолком сарая, не давал возможности всё хорошо рассмотреть. Клавдия остановилась у дверей, боясь даже пошевелиться. Но непрошенная гостья тоже лежала без движения. Наконец женщина, взяв себя в руки, наклонилась над ней. И только тогда поняла, почему змея не реагировала на неё. Она ранена! Кожа по всей длине её туловища была повреждена.

— Эх ты, горемычная, как же тебе не повезло! И на что это ты так напоролась? Или тебя кто-то так «приласкал»? Я думала, что мне одной плохо живётся, а нет — и тебе не повезло, — приговаривала Клавдия, рассматривая лесную гостью.

— Дай-ка я тебя перенесу в укромное место, а то, не дай бог, мой муженёк нагрянет, тогда тебе несдобровать. Он и меня может кулаком «угостить играючи».

Она взяла деревянную снеговую лопату, что стояла в углу сарая, и подставила её под бок змее. Но та вдруг зашевелилась, и сама переползла на лопату.

— Вот чудеса! — воскликнула женщина, — так ты меня слышишь и понимаешь? Кому сказать, не поверят! Ладно, лежи здесь. Я тебе соломки постелю, всё же мягче будет, а чуть позже молока принесу, горемычная

Надежда Миркова

ты моя. Давай договоримся: раз уж ты меня слышишь и понимаешь, я помогу тебе, но и ты, как выздоровеешь, сразу уходи туда, откуда пришла. Договорились? — но змея молчала и не шевелилась. — Ну и ладно, наверное, всё поняла! — вздохнув, сказала женщина и вышла из сарая. «Хорошо, что сына к матери отправила, — думала она, — а то напугался бы ребенок. Да и от мужа подальше. Что-то он запил сильно и очень уж беспокойный. Наверное, спит сейчас, вот и покормлю гостью».

... Молоко в блюде для лесной гостьи Клавдия приносила каждое утро. Кожа змеи затянулась. Женщина мазала её мазями собственного приготовления. Змея уже начала её узнавать и не шевелилась, когда Клавдия её лечила, только внимательно смотрела в глаза женщине своими глазками-бусинками. Муж куда-то уехал и целую неделю отсутствовал. Клавдия даже боялась представить, что будет, когда он вернется. После таких прогулок муж всегда возвращался злой и избивал её до полусмерти. А пока она наслаждалась покоем...

В один из дней хозяйка, как обычно, зашла в сарай и не нашла змею. Место, где та лежала, было пустым. Остались только лоскуты ткани, да пустое блюдо. «Вот ты и выздоровела, и уползла от меня. Значит, всё поняла. Умная! А я всё не могу решиться бросить мужа пьяницу, и уйти к матери. Он и там мне покоя не даст. Некому меня защитить, сын ещё маленький, а мать старенькая. Эх, ну что горевать! Пойду в поле травы собирать, людям буду помогать, они мне всегда спасибо говорят, уважают».

В горах солнце встаёт рано. Утренние росы напитали травы лечебными силами. Они выросли густые да сочные. Весна в разгаре, и все поляны запестрели яркими цветами. «Здесь и зверобой, и подорожник. Много других трав, кото-

рые, если знаешь, очень хорошо помогают при разных болезнях», — размышляла Клавдия, срывая душистые бутоны и складывая их в рюкзак. Краем глаза она заметила, как трава рядом с ней зашевелилась, и тут же блеснул бок змеи. Женщина остановилась и внимательно вглядывалась, стараясь понять, что за змея рядом с ней. Но та вдруг куда-то исчезла...

Недалеко был выступ скалы, и Клавдия поспешила к нему. Женщина взобралась на камень и тогда увидела, что у змеи, которая ползла за ней, меченый бок. Она поняла, что это её «лесная гостья».

— Как же ты меня напугала! — воскликнула Клавдия, — я-то думала, что это кто-то другой из твоих сородичей. Как твоё здоровье? Вижу, что хорошо. А я вот пришла травы собирать. Ну что, я пошла? Возражать не будешь? — говорила она, осторожно спускаясь с камня, — мне домой пора...

Змея, словно поняла её, тихо уползла в другую сторону.

— Ух! — выдохнула Клавдия. — Как страшно стало! Хорошо, что моя пациентка попалась, а то плохо бы всё кончилось...

И она поспешила домой. Открывая калитку, увидела мужа, сидевшего на крыльце с сигаретой, он был в лёгкой майке и босой.

— Что, змея, явилась? Опять ходила за травами? Колдовать будешь? Натравлю я на тебя нашего попа, вот смеху-то будет. Он давно на тебя зуб точит.

От этих слов женщина резко оглянулась назад, она и вправду ощутила рядом с собой свою змею. Но, переборов это чувство, подошла к мужу:

— Ну, что опять шумишь? Что плохого в том, что я собираю травы? И тебе помогала, когда болел, и сыну!

Надежда Миркова

Она не успела ещё что-то сказать, как зазвенело в голове и в глазах потемнело. Сильная боль пронзила всё тело. Только в мыслях пронеслось: «Опять чумной...»

Сколько лежала, Клавдия не помнила. Открыв глаза, поняла, что уже вечер. Голова кружилась, и подташнивало. С большим усилием доползла до стены дома и, опираясь на неё, тихо заплакала. Горькие слёзы катились по её щекам. Сил не было, чтобы самой подняться. Так и просидела до утра. Слышала, что муж спал: его мощный храп разносился по двору. Боль немного ослабла и женщина уснула.

А утром она открыла глаза от первых прямых лучей солнца и от безумного крика мужа:

— Клавка, беги! Змеи рядом с тобой!

Он весь побелел, и его губы и руки тряслись от страха. Дитина с кулаком в кувалду струсил, заметался по двору, пытался вырвать кол из частокола, но у него ничего не получалось. Затем резко остановился и внимательно посмотрел на жену:

— Хотя, зачем тебе бежать? Это же твои родственницы!

Клавдия приподнялась на руках и от неожиданности вздрогнула: вокруг неё, лежали три змеи. Они свернулись кольцами, и пронизывали женщину своим гипнотическим взглядом. Она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Среди незваных гостей была и её пациентка. И хотя в своё время Клавдия помогла змее, женщина не знала, как она себя поведёт сейчас. Но та продолжала тихо и мирно лежать у её ног.

Муж вбежал в дом и вскоре появился на крыльце, с какими-то вещами в руках. Он злобно закричал:

— Ты с ними одного поля ягода!

Змеи в это время стали в позу охоты и замерли на некоторое время в таком положении. Муж в сердцах выругался и попятился назад. Выбежав за калитку, он крикнул:

— Змеюка паршивая, вот и оставайся с ними! Я ухажу от тебя на веки вечные...

Женщина облегченно вздохнула.

Март 2014 года

Подарок Королевы

Рассказ

Посвящается Наумовым

Жене и Владимиру.

Ранним весенним утром холодные молочные туманы умывали просыпающуюся землю.

Нежно-голубые пролески подставляли свои крохотные бутоны робким солнечным лучам, с усилиями пробивающимся сквозь плотную вуаль владыки-тумана. А он с великим пренебрежением заполнял собой пригорки и лоцины. Величественные ели, тоже укутанные холодным властелином, опустили свои ветки под тяжестью утренней росы. Их хвоя заполняла

ароматным смоляным запахом весь лес и окружающее его пространство. Тишину изредка нарушали капли, сбегаящие с веток кустарников и деревьев. Птицы ещё не проснулись. Взъерошенные, они сидели в дуплах или же спрятались среди сосновых веток, терпеливо ожидая, когда же, наконец, окрепнут первые солнечные лучи и растворится дымкой холодный ночной туман.

Надежда Миркова

Солнце не спешило радовать своим восходом жителей леса. Оно лениво поднималось над полями, городами, деревнями. Не спеша расправляло свои могучие плечи, грациозно разбрасывало длинные огненные стрелы над горизонтом. Эти стрелы словно маленькие змейки пронизывали сгустки тумана и разрывали его на части. От этого огня вверх к небу поднимались чуть заметные струйки пара и исчезали в прозрачной вышине.

Василий Васильевич шёл по узкой тропинке, извивающейся среди сочной, но пока ещё не очень высокой травы. Шёл не спеша, опираясь на увесистую палку, которую прихватил с собой из дома. Не смог он усидеть в четырех стенах. Семья брата встретила его приветливо и хлебосольно, но ещё не успели пропеть петухи, как он бодро поднялся с мягкой постели и сейчас отмерял своими длинными ногами в резиновых сапогах километры.

Радовало всё: и как в траве проскользнула маленькая ящерка, а за ней вторая, и как на пригорке выстроились в ряд стройные березки, а впереди в туманной дымке вырисовывался сосновый бор. Справа возвышались серые, ещё без единого листика, могучие дубы и слегка покачивались от налетевшего ветерка. Туман таял, исчезала вуаль, укрывающая от взора путника первозданный лес. Только не слышно птичьего гомона. Василий Васильевич очень любил слушать трепетные переливы голосов птиц. Ради этого он и пустился в дальний путь. Два, три километра для него пустяки, только бы порадовать душу. В длинные холодные зимние вечера его поэтическая натура звала в деревню, туда, где прошло его детство.

...Пётр Васильевич вышел на кухню. В шлепанцах на босую ногу и в полосатой пижаме, он вздрагивал от утренней прохлады — двери кухни жена оставила открытыми настежь. На столе в глубокой миске лежали румяные пирожки, аромат которых напомнил ему, что давно не ел.

Пётр Васильевич, не раздумывая, присел за стол и с наслаждением приступил к трапезе. В это время в кухню вошла его жена. Она несла перед собой огромный таз с бельем.

— Посмотрите на него! — воскликнула женщина. — Не успел глаза открыть, а уже за кусок хватается. Умылся бы, что ли. Смотри — руки по локоть в земле. Вчера с братом малость перебрали? И где это тебя, милоч, носило- то?

Пётр Васильевич удивленно поднял свои руки. Они по локоть были в грязи.

— А где это я так вымазался? — спросил он у жены.

— Ты у меня спрашиваешь? — женщина засмеялась и присела на скамейку с другой стороны стола.

Она как-то по-детски подложила руки под подбородок, и с интересом разглядывала своего ненаглядного муженька. Только искорки-смешинки так и плясали в её серо-голубых глазах.

— Ты лучше у братца своего спроси, куда это вы ночью бегали, и что это за железка лежит во дворе? Где твой брат?

— Спит, в спальне, — парировал её вопросы муж.

— В спальне, как же! Да его там давно нет!

Даже подушка успела остыть. Опять, наверное, в лес ушёл. Не пойму, зачем он к нам приезжает? Целыми днями в лесу пропадает и тебя с толку сбивает. Ну, скажи, будем ждать его

Надежда Миркова

к завтраку или сразу к обеду? У меня работы выше головы, а вы со своими причудами!

Она подхватила таз и, ворча, вышла во двор. Перемена её настроения была так разительна! Исчезла куда-то милая смешливая девочка, а осталась ворчливая женщина. Но Пётр Васильевич, не унывал. Надкусывая очередной пирожок, пробубнил:

— Перемелется, мука будет!

Тёплый солнечный день радовал Василия Васильевича. Наблюдал, как птицы усердно чистят свои пёрышки. Он хорошо знал все их повадки и особенности. Любил слушать, как на вечерней зорьке и до звезд у полян и опушек колдуют дрозды — лучшие певцы весеннего леса. Нравилось наблюдать как, усевшись на самой макушке высокой сосны, выразительно высвистывая каждое колено, выводит неторопливую песню певчий дрозд. У взрослого дряблы нет таких чётких фраз, голос у него сильный, красивый, чистый, глубокий; звуки ясные, размеренные, громкие и в то же время мягкие. Будто рассказывает птица о том, что видит сверху. Но лучше всех тронуть душу умеет только лесной жаворонок — юла. Он взлетает высоко в небо — и оттуда льётся напевное звучание его голоса.

«Сейчас пора цветения черемухи, — размышлял Василий Васильевич, — значит, совсем скоро начнутся соловьиные свиты...» Он внимательно просматривал верхушки деревьев, стараясь разглядеть среди ветвей маленького виртуоза. Именно к этим дням и возвращается он на родину. Запевка самого первого соловья будет слышна во всём урочище. Но найдётся ли среди лесных певцов самый непревзойдённый мастер птичьего пения, от которого невозможно уйти, пока он сам не закончит свой концерт.

Хрустальные грани

Василий Васильевич наслаждался пением, чистым воздухом и просто тем, что нашёл время порадовать себя. Бархатным зелёным ковром украсились склоны. То там, то здесь вспыхивали островками лазорники. Шумели верхушки деревьев, напоминая шелест морских волн. Перешагивая через буреломы, мужчина поднимался всё выше — туда, где росли вековые дубы и среди них раскинули свои ветви кустарники. Он заметил, что в дубравах стало оживлённее, чем в бору. Много птиц ищут место для гнездования. Одни — на кустах лещины и черёмухи, другие — на земле. Всё годится для гнезда — удобные пни, стволы и ветки. Их предпочитают чёрные и певчие дрозды. В дуплах гнездятся синицы, вертишейки, пеструшки, поползни-мухоловки.

— Милые пичужки! — расчувствовался Василий Васильевич, наблюдая за жизнью лесных птиц.

— Трудятся от зари до зари. Вот у кого учиться нужно! А люди тратят своё драгоценное время на сон, еду или ещё лучше — на пьянку!

Он почувствовал, что устал и решил присесть на ствол сваленной березы.

— Ну, и где же бродит твой брат? — женщина не могла сдерживать раздражение. — Целый день его прождали, скоро солнце за лес уйдёт. Так, где же он? Ты почему молчишь? Возможно, что-то с ним произошло. Пока не стемнело, давай соседей созывать — на поиски пойдём.

Пётр Васильевич, не поднимаясь с дивана, произнёс: — Не впервой... придёт! Соберай мать на стол, что-то живот подвело, есть хочется.

В это время в калитку вошёл Василий Васильевич:

— Ну вот, а ты переживала! Как услышал, что кушать зовут, сразу прибежал. Давай, браток, выпьем за встречу. Пётр Васильевич разлил искристое домашнее виноград-

Надежда Миркова

ное вино по стаканам. Но его брат был каким-то странным: за всё время он не проронил ни слова и не притронулся к еде, только всё время глубоко вздыхал, поглядывая на маленькое колечко с зелёным камнем, которое держал в руке. Жена брата тоже удивилась:

— Какой-то ты чудной, на себя не похож... Стряслось что в лесу? Что это у тебя за кольцо?

Помолчав ещё некоторое время, Василий Васильевич тихо произнёс:

— Подарок змеи.

— Что? — не поверила его словам женщина. — Ты, наверное, сильно устал или точно с дуба упал!

Пётр Васильевич заступился за брата:

— Конечно, устал человек! Целый день не есть, у каждого от этого в голове помутнение произойдет. Не доставай, жена, брата. Захочет — сам расскажет. Ему твоё вино сейчас не очень важно. Он может выпить только раз — хоть ведро, хоть стопку. Потом все уговоры бесполезны. Но ты, другое дело... — Сердито ответила женщина.

— Где вчера бродили? Зачем у кузницы швеллер забрали? Днем председатель приходил — очень ругался. Хорошо, миром разошлись. Теперь новая забота! Вы, словно дети малые, без присмотра вас оставлять нельзя.

...Василий Васильевич резко остановился, увидев прямо под ногами маленькую змейку-медянку. Она сверкнула коричневатым бочком, а голову спрятала в жухлой листве. Он наклонился, чтобы ближе её рассмотреть. Но она, почувствовав опасность, постаралась быстрее зарыться в прошлогоднюю листву.

Солнце пригревало сильнее, и мужчина поспешил к намеченному пункту отдыха. Старая берёза, поросшая грибами-паразитами, хорошо прогревалась солнечными лучами.

Василий Васильевич решил сорвать один гриб, но заметил, что серые полосы на стволе шевелились. Свернувшись кольцами, лежали змеи...

Они не спешили убегать, как та медянка. Он хорошо знал, что змеи никогда не нападают без предупреждения. Гадюки, угрожая броском, прежде сворачиваются тарелочкой, зигзагообразно выгибают своё туловище и сильно шипят. Он также знал, что эти твари любят понежиться в тёплых лучах солнца на небольших лесных полянках. Но то, что они любят нежиться на стволах деревьев, никогда не слышал. «Бог ты мой! — подумал Василий Васильевич. — Сколько же их здесь?» Он стал осторожно пятиться от этого змеиного лежбища. И только отойдя на некоторое расстояние, облегчённо вздохнул и вытер рукавом куртки выступившую на лбу испарину. «Вот так дела! Ведь никто не поверит. Всё, хватит, пора домой». И он решил спускаться вниз по другой стороне злополучного склона.

От того, что он увидел дальше, образно говоря, зашевелились волосы на затылке: у большого пня клубились змеи. Было их здесь огромное количество. И эта змеиная свадьба не обращала внимания на человека. Затем, словно по чьей-то команде это необычное кольцо распалось... И Василий Васильевич увидел большую змею. У неё был вертикальный, как у кошек, зрачок, серая окраска с тёмной зигзагообразной полоской вдоль спины и чешуйчатые щитки на голове.

Она запуталась в рыболовецкой сетке. Как этот предмет оказался в лесной чаще, трудно объяснить. Но в то же время не сложно понять, почему в ней запуталась лесная змея. Сородичи, окружавшие её, расползались в разные стороны и затаились среди кустарников. Только несчастная затахла в своей ловушке. И тут Василий Васильевич вдруг по-

Надежда Миркова

нял, что от него ждут помощи. Он, не раздумывая, концом своей палки-выручалочки попытался освободить пленницу.

Наконец, ему это удалось. Оказавшись на свободе, змея сделала два круга вокруг его ног. Словно благодарила за спасение... Василий Васильевич, затаив дыхание, наблюдал, как спрятавшиеся змеи выползли из своих укрытий и поползли, шурша сухими листьями, за освобождённой змеёй. Это было очень похоже на эскорт королевы и подданных. Страх он не испытывал... Даже наоборот, чувствовал какое-то душевное удовлетворение от своего поступка. Василий Васильевич вдохнул всей грудью:

— Чудеса в решете! — воскликнул он и осторожно огляделся по сторонам. — Надеюсь, на сегодня змей достаточно?

И тут среди травы его внимание привлекло что-то ярко блеснувшее в лучах заходящего солнца. Он разгрёб листву своей палкой и, наклонившись ниже, увидел необыкновенное колечко с нежно-зелёным камнем, в его ювелирно отточенных гранях переливались и искрились солнечные лучики...

Воронеж, 5 мая 2013 года.

Знамение

Рассказ

Мороз крепчал. Пригородный вокзал, словно снежный замок, возвышался среди электровазов и зелёных вагонов в пушистых белых шапках. Дивная зимняя сказка царила вокруг.

Давно не ездила на электричке. Но мне всегда нравились такие путешествия. Теплый вагон и впереди много времени, чтобы отдохнуть, поразмышлять и насладиться зимними красотами, мелькающими за окнами пейзажами. Я с интересом наблюдала и за людьми, которые входили в вагон на остановках, сменяя тех, кто выходил. Вот вошли две женщины с огромными сумками. Сели рядом со мной, заставили весь проход вещами. Не скрою, сначала это вызвало у меня досаду, возникло желание встать и перейти в другой вагон. Но ... что-то остановило (уж больно женщины были добродушные) и я сменила гнев на милость. Стучали колеса, пели рельсы и меня убаюкивали негромкие голоса попутчиц. Невольно стала прислушиваться к их разговору и хоть начала рассказа я не уловила, но сама история меня заинтересовала.

— Решила я, товарки, перед Пасхой съездить на городское кладбище. С зимы не была у могилки мужа, — рассказывала одна из женщин. — Поднялась по раньше, собрала всё, что необходимо для работы — скоро Пасха, могилка, наверное, заросла травой ещё с осени. Всё как-то недосуг — дела, заботы... Наконец, собралась и, не предупредив детей, отправилась одна. Вышла из автобуса, огляделась по сторонам. Ларьки с живыми цветами закрыты, тишина вокруг. Участок, где могила мужа, располагался почти в самом конце кладбища. Маршрутные такси ещё не ходили, поэтому отправилась пешком. Солнце лениво поднималось из-за горизонта. Деревья, росшие у могилки, подставляли свои ветви его тёплым лучам. Где-то на ветке стрекотала сорока, весело чирикали стайки воробьёв в кустах шиповника. Поправив сумку с инструментом, в одиночестве заша-

Надежда Миркова

гала по широкой асфальтированной дороге. Уже проходя мимо первых участков, почувствовала, как по спине пробежал холодок — мерзкий, липкий. На душе стало тоскливо, змеёй вползала тревога. Сердце учащённо забилося, словно я поднималась на высокую гору. Остановилась, переводя дыхание. «Странно, что происходит? Мёртвая тишина, ни одного человека ещё не встретила. Вроде нечего пугаться, но почему сердце трепещет, как заячий хвост?» — спрашивала я себя. С правой стороны от кладбища извивалась зелёной лентой лесополоса. А за ней жил своей жизнью большой город. Собрав в кулак всё мужество, ускорила шаг, стараясь не смотреть по сторонам. Пыталась успокоить себя тем, что очень скоро я увижу людей. Не могла же я одна в этот день прийти сюда!

Вот уже знакомый поворот, облегчённо выдохнув, оглянулась назад. И увидела, что за мной едет иномарка чёрного цвета. Страх с новой силой пронзил всё моё тело. Да так, что перехватило дыхание. А ноги, мои ноги словно приклеились к асфальту. Но и водитель остановил машину. Только сейчас я поняла, что уже давно не одна на этой дороге, и едут эти люди за мной долгое время на определённом расстоянии. Только так можно было объяснить то, что я не слышала работу двигателя и шуршание шин.

Хаотично крутились в голове мысли. Лихорадочно стала вспоминать молитвы, но на ум ничего не шло. Тогда я вспомнила о Боге. Неистово стала молиться, просить защиту и помощь. Но сдвинуться с места была не в силах, а ноги меня совсем не слушались.

Не скажу, сколько времени мы так стояли. Из оцепенения вывела проехавшая мимо белая «семерка». Эта маши-

на повернула именно на ту дорогу, по которой мне нужно было идти. Из неё вышли три женщины и один мужчина, но только направились они не в ту сторону, где располагался участок мужа, а в противоположную. Чёрная иномарка тронулась с места, проехала немного вперед и остановилась. Из этой машины никто не выходил. Мои ноги пришли в чувство и рванули к белой «семёрке». Люди убирали могилку своих родственников, не обращая на меня внимания. Но уже только за то, что они рядом, я была им очень благодарна. Но окончательно успокоилась и обрадовалась, когда подошла к могилке мужа. У соседней могилы на скамеечке сидела старушка лет восьмидесяти. Она ничего не делала, только гладила руками сухие головки диких

цветов, росших в изобилии вокруг. Старушка одета простенько, но все вещи очень аккуратно поглажены. Длинная серая юбка, серая с длинным рукавом кофточка. Голову покрывал белоснежный платок, на ногах коричневые кожаные чупяки. Именно чупяки — такие носила когда-то моя бабушка.

Радости моей не было предела, только огромное желание её расцеловать. Она приветливо на меня смотрела и улыбалась. Поздоровавшись, я рассказывала ей о своих тревогах.

— Как хорошо, что вы здесь, рядом со мной. Не пове­рите, как мне было страшно и одиноко. Уже не один раз себя упрекала — зачем одна пошла на это кладбище. Пожалуй­ста, не уходите, не оставляйте меня одну, долго вас не за­держу.

Женщина ничего мне не ответила, но продолжала сидеть на лавочке. Закончив работу и поблагодарив свою спасительницу, пошла к баку с водой, чтобы помыть руки и

Надежда Миркова

инвентарь. У подножия емкости стоял большой ящик, поднявшись на него и набрав воды, оглянулась, чтобы посмотреть: где же моя старушка. Но к великому удивлению, её на месте уже не оказалось. В растерянности просмотрела всё поле, сколько мне позволяла эта возвышенность. Женщина в белом платочке словно испарилась. Люди были на участке, но старушки не было...

На остановке толпились пассажиры. О чёрной иномарке я как-то уже и позабыла. Меня очень занимало быстрое исчезновение пожилой женщины. Отвлек от мыслей разговор стоящих рядом. Одна из них сообщила, что вчера здесь пропала женщина. Вместе со своей знакомой они пошли поправить могилки мужей, и одна из них пропала. Могилки, правда, в разных местах, но не очень далеко друг от друга. Когда женщина, окончив работу, стала звать свою спутницу, та не отзывалась. Испугавшись, спряталась в лесополосе. В это время мимо проезжала чёрная машина с затемнёнными стёклами. Из машины вышли спортивного сложения парни. Один из них сказал:

— Странно, куда вторая баба делась? Ведь мы караулили двоих, но одна исчезла.

Второй ему ответил:

— Всё, поехали, смотри, уже темнеет, собаки голодные. Одной пока достаточно. Завтра что-нибудь придумаем.

В это время мимо остановки проехала иномарка, которая караулила меня. Я вздрогнула и спряталась за спины женщин. Одна из них перешла на шёпот:

— Вот, смотрите, разъездились. Добычу высматривают. Заметили, что на кладбище ни одного бомжа уже нет? А ведь раньше их здесь много было. Вон в той лесополосе

(она показала рукой) их поселение. Рядом свалка, вот они там и жили, теперь ни одной души нет.

Люди молча слушали, провожая взглядами медленно двигающуюся иномарку. К остановке подошла маршрутка, ошалевшие от страха пассажиры кинулись занимать места. После услышанного уже никто не желал оставаться на этой остановке. От пережитого на кладбище я решила пойти в церковь, чтобы зажечь свечу в свое спасение. Войдя в храм, от удивления остановилась. Прямо на меня из иконы смотрела та старушка, что сидела на лавочке. Тот же взгляд, одежда, но самое главное — её улыбка.

У проходящего служителя спросила:

— Скажите, пожалуйста, чей образ нарисован на этой иконе?

— Это Матушка Матронушка, наша заступница. Он низко поклонился ей. И тогда я рассказала ему свою историю, что произошла со мной на кладбище. Он перекрестил меня и произнес:

— Ты просила Господа о защите, вот он и прислал к тебе Святую Матронушку. Это тебе было знамение свыше. Значит, тебя Господь услышал и помиловал.

— Представляете, бабы! — воскликнула рассказчица. — Я в церковь часто хожу, но на эту иконку никогда не обращала внимания. Всё больше поклонялась и свечи зажигала у образов Иисуса Христа и Николая Угодника. Все так делают. Оказывается, у Бога все святые во служении. Если случись беда, Господь посылает к нам лучших на подмогу.

Женщина закончила свой рассказ, а в вагоне всё стояла тишина. Не только я одна, но и все, кто сидел рядом,

Надежда Миркова

слышали его. С бокового места поднялся мужчина и, доставая из пачки сигарету, сделал сердитым голосом заключение:

— Нечего по кладбищам бегать, от страха ещё не такое может привидеться. Хорошо, что мёртвые с косами не встречали. Наговорила с три короба, а вы и уши развесили...

Раскачивающейся походкой он направился в тамбур и вышел на остановке. Рассказчица, побелев, провожала его взглядом. Мужчина далеко не ушёл, курил на перроне и бросал косые взгляды на наше окно. В это время к нему подошли ещё двое, он что-то им рассказывал, взглядом показывая на окно вагона, где мы все тоже на них смотрели. Электричка плавно тронулась, перрон исчез. Тогда женщина, прижимая руки к груди, шепотом произнесла:

— У меня вновь пробежал холодок по спине, это были они. Ну, те трое из машины на кладбище.

— Так ты их, что, видела? — поинтересовалась её товарка.

— Да, видела на Пасху, они вышли из машины, ходили между могил, что-то искали. Мы с детьми сидели за столиком, мимо нас прошли. Теперь они меня точно вычислят... Скорее всего, эти изверги вылавливают одиноких людей и на вокзалах. А я своим языком все их тайны растрепала.

Женщина притихла и до самой конечной остановки не проронила ни слова. И мне после её рассказа стало как-то тревожно. Всматриваясь в ночной пейзаж за окном, я дала себе зарок, что больше никогда не рискну отправиться в поездку в ночь. Небезопасно...

Январь 2015 года

В июле сорок второго

Рассказ

Вот и отступает ночь, сменяясь предрассветными сумерками. Небо на востоке светлеет. Июльский рассвет лёгкой туманной дымкой плывёт над заливом и над прибрежным селом. От воды тянет прохладой. Сонные волны лениво накатывают на песчаный берег, усыпанный мелкими ракушками. Солнце всё больше выглядывает из-за горизонта. А ещё через мгновение ярило, будто оторвалось от земли и поплыло в голубом небе, наполняя всё живое силой и энергией. Только странная пугающая тишина царила в это утро в селении. Там наверху, на горе не слышно ни мычания коров, ни лая собак, ни даже петушиного крика. Можно подумать, что жители все сразу покинули свои хаты и со всем своим скарбом исчезли в неизвестном направлении.

Если ещё люди оставались на подворьях, то, возможно, они попрятались по своим подвалам потому, что всё ближе и ближе, эхом доносились разрывы от бомб и снарядов. Но, наверное, пытливый глаз всё же приметил, как с противоположной стороны залива в небе двигалась тёмная точка, и устрашающий гул нарастал и разрушал пугливую тишину. Навстречу размалёванной свастикой машине из-за солнца, казалось, вылетела се ребряная стрела. Над сельскими хатами в небе, в схватке закружили два боевых самолёта. Немецкий лётчик надеялся малой кровью уничтожить советский ястребок. Столкновение длилось всего несколько минут. К великой радости наблюдавших, из двигателя вражеской машины полыхнуло пламя, оставляя за собой в ясном июльском небе чёрный

Надежда Миркова

след, вдруг она взорвалась и рухнула где-то посередине залива, не дотянув несколько километров до оккупированного фашистами г. Таганрога.

А ястребок, качнув сверкающими под лучами солнца серебристыми крыльями, сделал над селом прощальный, победоносный круг, и полетел в сторону восходящего солнца.

— Так тебе и надо, чёрт рогатый! — проводив взглядом горящую немецкую машину, прошептала женщина с ведром.

— Подоить корову изверг не дал, и сарай не успела закрыть! Хоть в хату живёхонькая вбежала. Она торопливо прикрыла за собой дверь, ни на минуту не переставая слать проклятья немецкому лётчику. В тёмных сенях на ощупь отыскала стол и водрузила на него ведро с молоком:

— Фу ты, темень, хоть глаз выколи, совсем запамятовала, что окна завешаны. — воскликнула в сердцах, осторожно снимая светомаскировку.

— Раиска, доченька, проснулась? На улице страх господний! Помнишь того фашиста, что повадился каждое утро летать над нашим селом, собак да людей расстреливать? Сегодня наш соколик отправил его рыб кормить! С первого раза подстрелил, вот те крест. Мать набожно перекрестилась: — Немец в море вместе с самолётом утоп. Теперь не страшно ходить по улицам, пока нового не пришлют. А такое утро тихое выдалось, душа радовалась, не верилось, что война на пороге! Девочка-подросток внимательно её слушала:

— Мамка, ну чего вы панику наводите? Дядя Нефодий, наш бригадир, любит повторять: «Всем смертям не бывать, одной не миновать. Живите спокойно, пока поганец к нам в село не пришёл».

Дочь пыталась успокоить напуганную мать, но при этом торопливо расчёсывала волосы, отливающие лиловой чернотой. Ловко заплела в косы красную атласную ленту. Накинула летнее платьице, покрыла голову ситцевой козырьком и направилась к выходу.

— Жалко, что петухов в селе не осталось, наши бабы всем им головы порубали, да засолили чтобы германцу не достались. — мать растеряно поддержала разговор и всё время с интересом наблюдала за дочерью. Потом, словно очнувшись, поинтересовалась:

— А ты, куда это собралась?

— Так мы с пацанами и девчатами идём заканчивать прополку подсолнуха. У дороги, где посадки шелковицы, помнишь? Бригадир дядя Нефодий говорит: «Война войной, а роботу забывать не следует. Что ж добру-то пропадать?»

— Куда вы идёте? — от услышанного у матери ёкнуло в сердце, и ей показалось, что задыхается от нехватки воздуха. Затем, через минуту яростное возмущение вырвалось наружу: — Какая ещё работа, какой подсолнух? Только и слышу от тебя, дядя Нефодий, дядя Нефодий. Немцы на задворках, а они грядки полоть? Никуда не пущу. Мала ещё пока. Отец воюет, сын воюет, под пули себя кидают, и ты туда же? Иди тогда на ток, как все дети, там спокойнее, взрослые есть. Или же посажу в подпол, и будешь у меня сидеть до тех пор, пока немчуру поганую не прогонят с нашей земли.

Разгорячённая пылкой речью, мать не услышала, как кто-то посторонний вошёл в хату. Она резко повернулась к двери, и, охнув, прикрыла руками рот. — Почто бушуешь Матрёна? К сожалению, других рабочих рук у меня и нет.

Надежда Миркова

Только надежда вот на этих «галчат». Бабы, подростки постарше, сама знаешь, зерно на току убирают. Он резко замолчал, словно что-то обдумывая.

— А ты, почему задержалась? В хате наступила гробовая тишина. — Ну, что замолчала?

Матрёна, ошеломлённая внезапным приходом самого бригадира, запричитала. Уж кто-кто, а она-то знала его пыливый взгляд и хозяйскую хватку, и твердый, и дотошный характер.

— Да я уж, было, собралась, да стрельбы испугалась маленько. Видал, как наш соколик немца срезал? — пыталась она представить более правдоподобные оправдания, и ни на минуту не отводила от него преданных глаз. Бригадир иронически улыбнулся в усы.

— Ладно, поверю! А прополку последний раз сделать треба. Если живы останемся, урожай соберем! — на минутку задумавшись, он сказал:

— Да! Горько осознавать, что немецкие войска так быстро прошли пол страны. А до нас-то рукой подать! Сам я не годен для военных баталий. Вот вами и командую.

Затем, он с хитрым прищуром посмотрел на смущенную женщину:

— А ты, почему свою корову в общий гурт не сдала? Мы собрали колхозное стадо, животных с частных подворьев и отправили в плавни. Твоя корова, смотрю, в сарае! Чем кормить собираешься зимой? А ежели немцы нагрянут? Отберут, а тебя потом обвинят в пособничестве фашистам!

Райкина мать присела на кровать и испуганными глазами уставилась на бригадира:

— Нефодий, миленький, не губи, жалко кормилицу выгнать со двора, да ещё и в зиму? Да разве я совсем дурная? Как можно? Кто там присмотрит, кто выдоит до капелюшки?— она горько заплакала, уткнувшись лицом в фартук.

— Ладно, хватит тебе мокроту разводить! — отмахнулся от неё бригадир, раздосадованный её причитаниями:

— Будем надеяться, что немец стороной обойдёт. Но за коровой завтра пришлю пастуха-подпаска. А мы пока пойдём.

Матрёна резво подскочила и закрыла собой дочь:

— Не пущу, одна она у меня осталась. Пожалей, дитё ведь ещё! Тринадцать годков только. А ты её в поле под пули. Прилетит «мессер» и покосит всех твоих «галчат» из пулемётов, как вы ту траву.

Она умоляюще смотрела на бригадира и теснила его к двери.

— Мамка, да перестаньте вы людей смешить! Опять вы за старое? Вам же сказали, нужна наша помощь.

Мать кинулась, было, задержать дочь, но натолкнулась на взгляд её тёмно карих глаз, и увидела в них непреклонность, решимость.

— Так решила? Ну что ж, иди, но смотри, убьют, домой не приходи, не пущу. — в сердцах крикнула ей в след.

Нефодий, почти уже вышедший из хаты на улицу, от этих слов резко остановился. Не раздумывая, вернулся назад. В его глазах заплясали смешинки, но он их силой воли погасил и с участием спросил:

— Матрёна, ты ненароком не приболела? Что-то заговариваться стала! Видно, сильно тебя немец напугал. Не ходи сегодня на работы, а дочь твоя быстро вернётся, обещаю.

Надежда Миркова

Оставшись одна в пустой хате, мать почувствовала внутреннюю опустошённость, присела на кровать. Солнечный луч, игравший на стёклах, проскользнул внутрь, разыгрался, заскользил по стенам и шкафу, задержался на коврике, соскользнул на пол, и застыл на пёстром, тканом половичке.

Матрёна, наблюдая за ним, слёз не сдерживала, они сами катились по разгорячённым щекам. Наплакавшись, она ещё некоторое время посидела отрешённо, словно видела перед собой пропасть и всем сердцем ощущала безысходность. Тупо смотрела Матрёна в пустоту, слегка поглаживая натруженные руки. Потом, спохватившись, поднялась, глубоко вздохнула, отряхнула передник, поправила платок на голове и вышла во двор. Думы о дочери не оставляли ни на минуту.

— Надо же, словно глаза мужа увидала. Как похожа!

— Вы, «галчата», не переживайте, что немчура налетит. Вообще-то я приметил, они так рано не курсируют у нас над головами. Спать, наверное, любят до часов десяти. А мы за это время, что господа почивают, успеем пройти оставшиеся рядки и — по домам! Правда, сегодня они, что-то изменили своим правилам. Вы уже всё сами знаете, как наш соколик сбил немецкий самолёт, охотившийся за односельчанами. Мы просили помощи, нам и помогли. — бригадир успокаивал подростков. Смотрел на доверчивые лица малолетних помощников, и его сердце сжималось от сострадания. Худющие, только кости и кожа, загоревшие от знойного июльского солнца.

— За проделанную работу получите паёк пшеницы, пшена и гороха. Будет вам и суп и каша на зиму.

Он подозвал Раису.

— Ты — за старшую. Как закончите, сразу по домам. Увидите самолёты, падайте между рядками, поближе к стеблю. Шляпки уже большие, вас, мелюзгу, прикроют. А я ненадолго на ток сбегая и обратно. Берите по рядку и поспешайте...

— Рая, глянь-ка, что там такое на дороге, не пойму! — воскликнул девятилетний Васятка, один из подростков. Он, после упорной часовой работы, подняв голову, заметил на прилегающей трассе столб пыли. Но и другие дети тоже приметили это и с интересом наблюдали за непонятным пыльным облаком, летевшим по грунтовой дороге. Через некоторое время услышали и гул машины. Следом за машиной тархтел мотоцикл. Машину кидало по ухабам в разные стороны, но водитель не тормозил, а, скорее всего, нажимал на газ. — Самолёты! Немцы! Пацаны, падайте на землю! — крикнула Рая.

Дети, словно куропатки, спрятались среди высоких стволов подсолнуха. Они спешили укрыться в ближайшей посадке из шелковицы. Над их головами засвистели пули. Гремело и ухало так, что закладывало уши. Два «мессера» в упор расстреливали машину. Недолго длился этот неравный бой, а потом всё стихло. Лишь звенящая тишина нарушалась жуужанием оводов да стрекотанием кузнечиков.

Рая выглянула из своего укрытия. Вокруг — ни души! На обочине — изрешечённая пулями кабина и кузов. От разрывов снарядов её развернуло и сбросило в кювет. Пахло гарью. Девочка, пересиливая страх, крадучись, мелкими пробежками направилась к машине и замерла на месте. На земле валялась искорежённая дверь. За рулём никого, а рядом с водителем сидели

Надежда Миркова

ем полулежал военный в морской форме. Из небольшой раны на голове сочилась кровь. В кабине находились ещё трое раненых моряков, или убитых? Рая не смогла определить. На водительском сидении — сумка с красным крестом.

— Ой, мамочка, страшно то как!

Она кинулась назад, к полю, и стала тихо звать своих товарищей.

— Куда вы все попрятались? Пацаны! Бегите в деревню, приведите взрослых, в машине четверо раненых! Постояв в нерешительности, через мгновение она воскликнула:

— Нужно перевязать моряка! Боюсь, что не смогу, боюсь, что не получится! — со страхом повторяла она, раз за разом, и поминутно бросала быстрые взгляды в небо, и озиралась по сторонам.

Военный застонал и открыл глаза. Он увидел девочку небольшого роста, с бинтом в руке.

— Я хотела вас перевязать. — тихо сказала она.

— Как тебя зовут? — спросил раненый.

— Рая. Вы потерпите, скоро помощь подойдёт. У вас небольшое ранение в голову. Дырки я не видела, но вот кровь всё время сочится. Здесь недалеко наше село, и там есть больница.

В её голосе чувствовалась неуверенность, но ей всем сердцем хотелось, как-то подбодрить истекающего кровью моряка.

— Живые ещё есть, кроме меня? — последовал следующий вопрос.

— Я не знаю, там, в кабине трое лежат и молчат. Возможно живые, а может, и нет. — и она пожала худенькими плечами.

— А водитель где?

— Не видела. Недалеко в кювете лежит ещё один, может, это и есть водитель? Рядом с ним перевёрнутый мотоцикл.

— Посмотри, если живой, не ранен, пусть подойдет ко мне. Ты пионерка? Стрелять умеешь? — девочка уверенно кивнула головой, но в глазах блеснули слёзы.

— Бери винтовку, и если кто-либо подойдет к машине, стреляй в воздух. Это твоё пионерское задание — охранять секретный объект. — военный, прикрыв глаза, замолчал.

Рая, услышав рёв приближающегося немецкого самолёта-разведчика, не раздумывая, залезла внутрь машины, сжалась в комочек, притихла.

Немецкий лётчик сделал несколько кругов. Сверху ему было видно перевёрнутый мотоцикл, тело убитого, порушенная, тлеющая военная машина. Равнодушным взглядом он осмотрел место боя, не нашёл ничего для себя примечательного, взял курс на г. Таганрог. Там фашисты сосредоточили крупные силы, укрепились прочно.

Рая посидела в машине некоторое время. Вылезая из своего укрытия, зацепила ногой одного из «мёртвых» бойцов. Он застонал.

— Они все живые, но раненые, а подмоги всё нет и нет! — воскликнула она, готовая заплакать от отчаяния.

Девочка вздрогнула и замерла, когда кто-то тронул её за руку. За спиной стоял мотоциклист. Лицо и руки у него были испачканы землёй, тельняшка на одном плече разорвана.

— Командир жив? У меня голова болит! Но представляешь, ни царапины. Только пить хочу! — с восторгом, в

Надежда Миркова

один миг, доложил он девочке — Рая обрадовалась взрослому человеку.

— Вас командир спрашивал. А я не решилась подойти, думала вы мёртвый! — засмутившись, тихо проговорила она.

— Ты отойди в сторонку, мне с командиром необходимо посоветоваться, а потом будет к тебе просьба — поможешь с мотоциклом.

Девочка смотрела на него, не мигая, а в тёмно карих глазах, мудрых и глубоких, застыло удивление.

— Чудачка, только подтолкнуть, а ты что подумала? — и он весело ей подмигнул:

— Ух, глазищи! Гордись своими глазами, они у тебя, как чёрные угольки нереального костра.

Мотоциклист окинул девочку оценивающим взглядом.

— Здесь недалеко стоит артиллерийская батарея, я к ним за помощью, вернусь быстро, только ты никуда не уходи. Эх, если бы не война, увидеться бы с тобой, годика так через три — настоящая русская красавица!

Когда он уехал, Рая села рядом с машиной, с теневой стороны.

— Какой смешной морячок! Наговорил с три короба! А время идёт. — шёпотом разговаривала девочка сама с собой, прижимая к груди винтовку.

Бригадир подъехал на телеге.

— Где вы были так долго? Военный моряк истекает кровью! Ранение в голову, и всё что-то бормочет. Там, в машине, молоденькие ребята-морячки, вытаскивайте их, они все живые. Я их поила из фляжки, перевязала, как могла. Мотоциклист, сопровождавший эту машину, живой и даже

нисколечко не раненый, уехал. Его просто немного оглушило. — затараторила Рая.

— Не шуми так сильно! — Нефодий устало посмотрел на неё. — Мы тоже не сидели! Ещё одного контуженого нашли. Такой же безусый, как и эти! — Подытожил бригадир, когда заглянул в внутрь машины! — По улицам бегал, как полоумный, прятался под заборами. Мы его в госпиталь переправили. Васятка с соседкой приметили. Шустрый малый! Ничего не понимал, всё думал, что к немцам попал.

Он замолчал, изучающим взглядом осмотрел девочку.

— Говоришь раненые, так мы их доставим по назначению, наши медики подлатают, и будут они как новенькие!

Бригадир вновь окинул девочку пытливым взглядом.

— Ну-ну! Плакала? Страшно? Но ты герой! Даже винтовку тебе доверили? — Рая засмушалась. бросьте шутить, дядя Нефодий! Тоже мне, героя нашли!

Командир открыл глаза и позвал:

— Кто из вас старший? Эта машина не простая, здесь находится секретная передвижная радиостанция Азовской флотилии, и секретные документы. Всё необходимо срочно перегрузить и доставить в Ейск. Пока приедут с Павло-Очаковской батареи, требуется выставить охрану. Эти «мессеры» нас сегодня здорово пощипали, от самого г. Аксяя охотились, словно догадывались о назначении груза... Он застонал. На обескровленном лице — тёмные пятна вокруг глаз. Повязка на голове порыжела от крови. Казалось, силы покидали его, он с трудом выговаривал слова.

— Вот так дела! — воскликнул озадаченный бригадир. — Всё сделаем, товарищ командир. Не переживайте! — Как бы отдавая честь, отчеканил Нефодий.

Надежда Миркова

— Рая, беги домой, мать с ума сходит. Мы уж тут сами постараемся. Ты своё время «откараулила», теперь наша очередь. Да Васятку не забудь поблагодарить за расторопность.

Догорает ещё один «мирный» июльский день в селении на берегу залива. Устрашающая немецкая армада расширяет свои границы, но природа не сдаётся, она как мать, подбадривает людей перед грозным испытанием. Солнце тёплыми лучами ласкает всех живущих в селе и медленно опускается за горизонт. Его диск окрашивается в ярко-оранжевый цвет. Ярило начинает постепенно растворяться в заливе, отдавая ему все свои краски, тепло.

Послесловие:

После войны, бывший командир передвижной радиостанции Филипп Алексеевич Иванес разыскал свою спасительницу. Он написал статью в газету «Красное Приазовье» №100 в 1991 году, эта статья была посвящена Пятидесятилетию начала ВОВ. Так сохранилась история о храброй девочке. Что испытывала и чувствовала в тот момент, она не могла восстановить в памяти, когда родные задавали ей вопросы. Она потом рассказывала:

— И совсем не страшно. Просто переживала за раненых. Боялась, что умрут.

Рая Николаенко родилась двадцать третьего августа 1929 года. Вышла замуж, поменяла фамилию на Шаповалову, вырастила детей, помогала воспитывать внуков. У неё была большая, дружная семья. Всю свою сознательную жизнь Раиса Николаевна жила и работала в совхозе Приморский. Жители села Семибалок уважали Шаповалову (Нико-

лаенко) Раису Николаевну за её целеустремленность, мужественный характер, весёлый нрав. К сожалению, этой храброй девочки-женщины уже больше нет с нами. Она умерла на семьдесят первом году жизни 1 января 2000 года, но в памяти земляков будет жить вечно.

Февраль 2021 года

Однажды в детстве

Рассказ

Мне кажется, порой, что это было триста лет тому назад — так много событий произошло за все годы моей жизни. Часто память возвращает меня в прошлое. С замиранием сердца, по крупинкам, восстанавливаю, как узор в калейдоскопе из разных стёклышек, сложные детские годы. Тогда, в шестидесятые, я жила с родителями в одной из деревень, расположенных на крутом берегу Таганрогского залива. Семья наша, по меркам тех лет была небольшая, всего пять человек — отец, мама, брат, сестра и я. Мои родители трудились, не покладая рук. Отец брался за любую работу: ремонтировал часы, строгал, пилил и шил для семьи бурки, изготавливал табуретки, столы, шкафы. Всю мебель в нашем доме смастерил он сам. Самостоятельно выучился игре на баяне, увлекался фотографией. Прекрасно рисовал. Приучал нас, детей, к порядку и уважать старших. Наш небольшой, уютный саманный домик до сих пор в моей душе пробуждает тёплые воспоминания.

В те времена, в сельском магазине продавали из тканей только ситец, и то было сложно купить. Мама работала в колхозном саду, а по вечерам подрабатывала в библиотеке,

Надежда Миркова

мыла полы. Заведующая видела, как сотруднице сложно одевать малышей и отдавала иногда ей ненужные вещи, лоскуты. Перешитые и собранные из обрезков платица, получались нарядными, любимыми.

Прокормить детей в хрущёвские времена, поверьте, было сложно. На жителей села наложили оброк. С каждого двора отдавали яйца, если были куры; если корова, то и молоко. Руководство колхоза выделяло сено на корову, но мы, дети, имея живность во дворе, молока не видели, мяса и яиц тоже. Одна надежда на огород. Благодаря овощам, выращенным на земельном участке, мы могли выдержать лютые зимние месяцы и дотянуть до лета. А летом раздолье: калачики, сочный пырей, душистый укроп. Да, мы ели все эти съедобные травы. Суровые зимы тех лет не давали расслабляться. Нас ещё выручали воробьи. На них оброк местных властей не распространялся. Божьи птички прятались от морозов под стрехой камышовых крыш. Ночью родители их ловили и варили суп — шулюм. Мне тогда казалось, что это самое вкусное мясо.

Этот рассказ, не услышанный сюжет и не дарованная история, а реальный случай.

Недалеко от моря, в просторном трёхкомнатном доме жили родители моего отца. Дом шалёванный деревом и окрашенный в голубой цвет, с русской печкой, сенями, застеклённой верандой и узорчатым крыльцом, крыша покрыта листовым шифером.

На широком дворе, с летней кухней и сараями, стояла (поближе к подвалу) будка мордатой собаки неизвестной породы, чтобы никто не посмел позариться

Хрустальные грани

на добро. Дети давно выросли и разъехались, кто куда пожелал. Они создали семьи и редко приезжали к родителям погостить. Только старший сын построил дом недалеко, улицы через три. Дед работал бригадиром в рыболовецкой бригаде колхоза. А рыбакам выделялись пайки по двенадцать килограмм на каждого в месяц. В те голодные годы это считалось богатством. Браконьеров судили, наказывали. Только колхоз мог распорядиться уловом. Дедушке полагалось два пайка, как рыбаку, и как бригадиру. Бригадирский паёк он старался отдавать старшему сыну, то есть моему отцу. Но бабушка, его жена, возражала, из-за этого часто возникали ссоры. В колхозе она никогда не работала, её изредка приглашали на ток, сушить зерно. В основном, она вела домашнее хозяйство, так как считалась матерью пятерых взрослых детей и вечно больной. Она отличалась крутым нравом, мстительностью, требовательностью не только к своим детям, но и к внукам, а особенно к нежеланной невестке — моей маме. Даже однажды пыталась отравить мышьяком, когда они жили вместе. Эта женщина, мать пятерых детей, наварила кукурузной каши из протравленного зерна, прихваченного на току, и решила испробовать на моём старшем брате, ему исполнился тогда только годик. К счастью или нет, но первой эту кашу попробовала мама. Её спасли. После этого инцидента родители уехали в Шахты, где и родилась моя старшая сестра. Дедушка Никифор очень переживал и упрашивал отца вернуться в родное село. Родители вернулись только тогда, когда колхоз выделил участок, родственники по линии мамы помогали построить дом.

Надежда Миркова

Родители вернулись в родное село уже с двумя детьми, а я родилась позже.

Я не любила бабушку, возможно, и не только я. Когда эта вредная старуха приходили в наш дом, мне оставалось одно, не попадаться ей на глаза. Укутанная в застиранный платок в серую клетку, с корявой палкой, в длинной тёмной юбке, в кофте с замусоленными рукавами и в стеганой телогрейке — этот образ мне никогда не забыть. Зимой и летом носила она одни и те же вещи. Её зоркие, пытливые глаза примечали все погрешности по уборке в нашем саду и в комнатах дома.

Я в ту пору была подростком одиннадцати лет. Её раздражало во мне всё: что маленькая ростом — заморыш; ни на кого из родных не похожая — нагульная; смуглая, с каре-зелёными, вечно испуганными глазами и с тёмно-русыми волосиками, заплетёнными в две мышинные кисточки — замухрышка.

В тот день я не ждала её прихода, спокойно собирала яйца в курятнике и складывала в небольшое ведро. Выйдя на улицу, неожиданно столкнулись с ней нос к носу, вот тут она меня и поймала.

Цепкие, крючковатые пальцы ловко схватили моё ухо и больно потянули вверх. Её оскал на лице меня испугал. Она закусила нижнюю губу, и мерзкая, злобная улыбка расцветала на её сером морщинистом лице. Хрящики в моей ушной раковине затрещали, и мне казалось, что эта старая ведьма моё ухо вот-вот оторвёт. Она так всегда поступала, когда рядом никого не было из посторонних. При людях старалась гадкого ребёнка не

замечать. Чтобы немного уменьшить боль, я потянулась за её рукой и поднялась на носочки.

— Опять, неряха, грязь развела! Куры по двору бегают, всё изгадили, трудно подмести? Лодырька чёртова, растёт, дармоедка паршивая. И откуда ты только на нашу голову вылупилась, такое страшное, противное отродье?

Я попыталась разжать её пальцы и освободиться, но вырваться не удалось. Она сама отпустила моё распухшее ухо и несколько раз ударила палкой по спине. Отскочив от мучительницы подальше, я тёрла повреждённое место, но не плакала, смотрела на неё с ненавистью.

— У, вылупила бесовские зеньки! Так бы и вырвала их! Не смотри на меня так, а то вот этой палкой их враз выколю! — она потрясла ею в воздухе. Я поспешила отойти от неё ещё дальше, к колодцу.

— Скажи матери, чтобы сегодня, как дед выйдет с моря, за рыбой не приходили. Я этот паёк Тольке, сыну отдам. Он скоро приедет. А вас, сколько не корми, не накормишь. Словно прорва! На вас, голытьбу, куй — не накуёшься!

Она демонстративно прошла в дом, затем в кухню и вышла в сад, всё проверяя внимательно. Я следовала за ней на расстоянии. По пути бабушка прихватила полбулки хлеба на столе в кухне, несколько яблок в саду. Прибыль сложила в соломенную кошёлку, принесенную с собой, и, уходя, с раздражением воскликнула:

— Голытьба, и взять нечего, только засохшей краюхой хлеба и разжилаась, да кислыми яблоками. Ничего, собаку накормлю, а с яблок компот сварю. От нас прут мешками, а нам с дедом кукиш без соли.

Надежда Миркова

Через сад она вышла в огород, палкой разгребала траву и высматривала, что можно ещё прихватить. Я смотрела ей в след, и в моей душе созревала буря ненависти. О том, чтобы рассказать родителям, не могло быть и речи. Они сами испытывали трепет в душе, когда эта фурия приходила в гости. Мать начинала суетиться и чувствовала себя в чём-то уже виноватой, а отец искал способ сбежать от общения с мамулей. Поэтому жажда мести в моей душе разрасталась, не зная границ.

То представляла, как она идёт, и на неё напала стая собак, а я стою рядом с её палкой в руке и не отгоняю их. Смотрю и наслаждаюсь, как они грызут её за ухо. Или она идёт по улице, и на неё нападает стадо коров. Чёрный, огромный бык бьёт по спине острыми рогами, она падает, кричит от боли, а я стою рядом и не отгоняю его. И даже сама эта мысль теплом разливалась в моей истерзанной душе подростка. Но долго наслаждаться мысленной мезтью я не могла, нужно было выполнить задание от мамы. Наносить корове воды из колонки, из колодца не давали, это — питьевая; покормить животных, и когда солнце начнёт садиться, вырезать траву на огороде. Скоро копать картошку.

Первым с работы вернулся отец, и я, как послушное дитя, передала всё, что говорила бабка Ганна. Он, молча, выслушал, и на его лбу залегли печальные складки.

— А мы с матерью надеялись на этот паёк. Как теперь до зарплаты дотянуть, ума не приложу? Остаётся только картошка да овощи. Будете у нас поститься недельки две. Похудеете на пару килограмм ещё, хотя и так худющие, словно шкелеты.

— Папа, а ты иди к дедушке, он добрый.

Хрустальные грани

Он посмотрел на меня уставшими глазами, горько вздохнул и присел на лавочку во дворе. После длительного молчания, посмотрел на меня загадочно.

— Пойдём со мной, ты их внучка, самая маленькая, думаю, вот тебе и не откажут.

От этих слов, я онемела. Отца конечно жалко. Он сидел потерянный и очень уставший.

— Дочка, пойдём вдвоём, пока мама придёт с работы, мы рыбки принесём, и будет нам всем добрый ужин. Хочешь ухи или жареной рыбки кусочек?

Рыбы мне хотелось, но идти самой в логово «бабы яги» страшно. Конечно, при отце она, как всегда, меня не заметит, но при встрече без взрослых всё припомнит и изобьёт.

— Ну, что замолчала? Пойдём?

— Папа, давай дедушку у моря встретим.

Мы опоздали, бригадира с поклажей привезли домой на телеге.

— Ганна, из чего это ты суп сварила, какие-то черви белые плавают в тарелке? — возмущался хозяин, отодвигая от себя варево.

— Это фасоль разварилась, — злобно фыркнула хозяйка.

— Видал, какой пан выискался! Ешь то, что дают.

— А где взяла? — не унимался дед, — у нас в этом году ещё не созрела!

— Прошлогодняя! — огрызнулась Ганна.

— Так она прелая и с червями, сама жаловалась на днях. Баба, твоя жадность тебя и сгубит. Ты бы рыбки свеженькой пожарила. Вон, и сын с внучкой идут. Гости, встретить по-человечески надобно.

Надежда Миркова

От этих слов бабуку, словно вихрем, закрутило вокруг стола.

— Черти их несут, а не они сами идут.

Дед Никифор раздраженно махнул на неё рукой, подвинулся на скамейке, уступая место отцу и мне.

— Садись сынок, поужинаем. Мать сейчас свежака нам поджарит.

— Дулю вам, а не свежей рыбы. Дети с городу приедут, что я им дам? — И она скрутила кукиш.

Отец не успел даже присесть, растерялся от неприветливого приёма матери. Такое «гостеприимство» ожидал, но не понимал, как себя вести в данный момент. Я же спряталась за его широкой спиной и содрогалась от злобы, бушевавшей в груди моей родной бабушки. Вдруг она с пеной у рта, фурией, налетела на моего отца, истошно крича:

— Сказала, не дам этот паёк. Детям другим надо. Хватит, ни кусочка не дам, пусть лучше гниёт, чем ваши утробы набивать.

Дед не уступал, возмущение нарастало.

— Да ты, мать, словно из трубы вылетела. Это же тоже твой сын! У нас рыба ржавеет, а его детей, твоих внуков кормить нечем. Приедут гости, отдай то, что на верёвках висит и в кадушках солится. А паёк этот я им отдавать буду, так решил. Он здесь живёт, рядом, всегда поможет. Дед махнул рукой в сторону сына. Толик твой с Шуркой хвостом вильнули и смылись. Уехали за лёгкими деньгам? Вот пусть и живут, как могут.

— Не отдам, — пуще прежнего, заверещала Ганна. Она уселась на мокрый мешок с рыбой и сложила на груди руки, упрямо сжала тонкие нитевидные губы.

Отец как-то отрешённо наблюдал эту картину, взял меня за руку и, молча, повёл в сторону нашего дома. Горько было смотреть на его поникшую голову. Оглядываясь, я видела, как дедушка пытался сдвинуть жену с мешка. Мне не хотелось возвращаться домой с пустыми руками. Я вернулась и наблюдала борьбу между дедом и бабкой. Отец уходил, не оглядываясь. А в это время мешок развязался и на землю выпал большой судак.

— Бери внучка, что растерялась! — воскликнул дед Никифор. Это твоя добыча, к твоим ногам упала.

Я, недолго думая, схватила рыбину и прижала к себе. Баба Ганна прытко спрыгнула с мешка, ухватила за рыбий хвост и потянула на себя, и вырвала из моих рук. Этим же судаком отхлестала меня. Хорошо, что дедушке удалось её остановить.

— Ты что, совсем сдурела? Убьёшь девчонку!

Мокрые плавники изодрали мои руки, кровавый след остался на щеке. Баба Ганна накинулась и на него с кулаками. Дед Никифор лёгким ударом в ухо, отправил свою жену носом в песок. Собрал рыбу, вскинул мешок на плечо. Осмотрел мои раны.

— У, ведьма, дитя не пожалела, рыбы ей мало!

Ранки зудели, болели, но я в восторге захлопала в ладоши, и запрыгала на месте.

— Так её, дедушка, так! Пусть знает, как драть уши — это очень больно!

— Пошли внучка, плохо, что ты увидела и поняла, какая жадная у тебя бабушка. Но и дед дурак! Зачем приволок домой этот пай? Всё, с сегодняшнего дня сами будете получать его в кладовой. Напишу доверенность.

— Дедушка, а бабушка плачет, жалко её! — неожиданно для себя, я пожалела несчастную старуху. Кто-

Надежда Миркова

кто, а я-то много раз испытывала от её рук побои, она меня никогда не жалела.

— А себя тебе не жалко, как с тобой обращалась родная бабушка? Дед хоть и старый, но и трусоват! Знал, старый дурень, и не пресекал её издевательства над беззащитным ребёнком. Приходила она от вас и подробно мне рассказывала, а я слушал и молчал. Чего боялся или кого? А, внучка? Ведь твою бабушку я пальцем никогда, ни разу не тронул. Раньше любил, но из-за скверного её характера растерялись чувства. Терплю и всё тут! Ты пока маленькая, в этой житейской проблеме не разбираешься, но взгляд у тебя пытливый и душа добрая. Я и сам, седой, как лунь, но в своей жизни не смог разобраться. Сегодня у моей старухи — перебор.

Он смотрел на меня, а его глаза излучали теплоту и нежность. И у меня на душе стало легко и спокойно. Тот, кто меня люто ненавидел, повержен. В душе затрепетала уверенность, что с этой минуты бабушка Ганна больше меня не посмеет обижать. У меня появился защитник — дедушка. Я в это поверила всем сердцем.

— Не переживай внучка! Главное — расти, набирайся сил и знай, дед тебя в обиду больше не даст! Прошу, об этом случае пока никому не рассказывай. Люди не поймут, осудят, ославят на всю деревню. Нам ведь здесь жизнь доживать. А бабушку прости, она не понимает, что творит. Всегда вспоминай нас только добрым словом.

Январь 2021 года

Преступление, как наказание

Рассказ

— Добрый день, Отец! — произнёс мужчина в чёрном военном однобортном сюртуке без лацканов, с девятью пуговицами, застёгнутый до самого подбородка, в тёмно-зелёных панталонах и с тростью в руке. «Именно этот служитель церкви мне и нужен, — подумал он, — по одежде видно, имеет особый чин. Сердце подсказывает, что ему можно доверить тайные мысли, которые уже много лет терзают мою душу».

На вид священнику было больше шестидесяти, и отслужил, наверное, лет так двадцать - тридцать в церкви, в руке посох. Он, видимо, восточного происхождения, одет в чёрный подрясник и суконную рясу до пола с широкими рукавами. На голове шапочка тёмно-фиолетового цвета, напоминающая цилиндр. На груди — серебряная цепь с большим крестом. Служитель церкви остановился и внимательно посмотрел на прихожанина. Перед ним стоял высокий красивый старик с густой седой, аккуратно подстриженной бородкой, но с потухшим, затравленным взглядом.

— Мне бы исповедаться, Отче!

— Издалека к нам пожаловали, барин?

— Из Московского уезда.

— Киевская лавра далеко от Москвы. А почему к нам?

— Исповедаться. Духовник нужен. Именно здесь, много лет назад, я провёл пятилетнюю епитимью. Вот опять потянуло в святые монастырские стены.

— Пойдём. Отдохнёшь. Исповедуешься позже. Я — игумен этого собора.

— Нет, сейчас и только сейчас. Господь мало выделил мне времени для исповеди. Понимаешь, Отче, я нарушил

Надежда Миркова

одну из главных Божьих заповедей, не убий! На мне приговор самого Государя Императора Николая первого. На мою судьбу наложен тяжкий рок, возможно, самим Господом. Совершенное преступление, как наказание на всю горемычную жизнь...

Прихожанин глубоко вздохнул и нервно осенил трижды грудь крестным знаменем. Игумен, открывая массивные двери, проговорил:

— Твоя воля, войдём в храм и там, в Божьей обители я приму твою исповедь. Присядем на лавку.

Они присели рядом. Игумен достал шерстяную брояницу* и, перебирая крестообразные узлы, хранил молчание.

— Отче, сколь помню себя, мне всегда хотелось быть первым, и был в этом совершенно уверен. Я очень эмоциональный и придаю особое значение прошедшим событиям. В день годовщины смерти отца с волнением начинаю думать о нём. В этот год пристрастие к памятным датам проявились с неожиданной стороны: мысли о детских шалостях и о юнкерской школе.

Примечание* Брояница – особый род чёток, распространённый в православных странах Балкан, прежде всего в Сербии и Черногории. Представляет собой полосу, связанную особым плетением из овечьей шерсти и соединённую в кольцо.

Он на некоторое время замолчал, словно пытался отковырнуть неподъёмный пласт прошедших дней. Глубоко вздохнув, собирая в один тугой узел хаотичные мысли, начал свой рассказ:

— Перед глазами стали оживать картинки дуэли с моим бывшим товарищем Мишей Лермонтовым. Меня, именно меня называют убийцей русского гения, пророка. Почему в тот злополучный день дуэли, когда я навёл на него курок пистолета, небо не содрогнулось, и на голову мне не посыпа-

лись камни. Лермонтов стал для меня мстителем, как Командор для дона Жуана, я уверовал в мистику. Его мщение и по ныне, перечеркнуло всю мою жизнь. Я, словно загнанный зверь, которого обложили на охоте.

Исповедовавшийся замолчал. Охватил голову руками и, сидя на скамье в храме, покачивался из стороны в сторону, словно боялся смотреть на изображения святых. Ему чудилось, что со стен на него смотрели лики праведников, и в их глазах он видел укор.

— Я русский дворянин, Николай Мартынов.

Род мой идёт от пятнадцатого века. Имения в различных губерниях России. Баловень судьбы, был очень богат. Жизненный итог: блестящей карьеры не получилось, богатство поубавилось.

В ночь на пятнадцатое июля сего года, меня накрыл приступ кашля. Железный жгут сжимал мою грудь, я начал задыхаться. И чётко понял, смерть пришла. Дом полон людей, а я одинокий и всем чужой. С ужасом и слезами шептал:

— Господи, только не сегодня. Дай мне, Боже, ещё месяц, неделю покаяться, освободиться от смертного земного греха. И вот я здесь. Душа болит. Я должен исповедаться. — Мартынов вновь замолчал, отрешённым взглядом смотрел на распятие Иисуса Христа.

— Господи, прости! — воскликнул Николай, перекрестив лоб. Встал со скамьи, подошёл к распятию и прилонил колени.

— Это была не дуэль, это было убийство! — крикнул он громко, и слово «убийство» эхом отозвалось под сводами храма.

— Повод для дуэли смешон. Честь сестры, дневник! Да, моя сестра гордилась тем, что была она музой для написания образа княжны Мери. Все, собравшиеся на дуэль, ве-

Надежда Миркова

рили, что Михаил стрелять не станет. Он сам об этом сказал и выстрелил вверх. Секунданты смеялись, ждали пирушку, а меня это бесило. В свои двадцать шесть лет я был уже в должности майора, а Лермонтов лишь поручик, но он умел писать стихи. Я писал прозу, делал первые пробы пера в юнкерской школе. Нас тогда считали талантами. И, вдруг узнаю от самого Михаила, что часто, оставив весёлые компании, он в самом дальнем классе, за закрытой дверью писал роман о пугачёвском бунте. В душе шевельнулась огромная змея зависти и обиды. Пишешь стихи — пиши, но прозу-то зачем? Это мой конёк! — Он с мольбой в глазах смотрел на игумена.

— Отче! Только ты сможешь понять всю трагичность моей опостылевшей жизни. Каждое новое произведение Мишки Лермонтова было для меня ударом кинжала в сердце. Чёрная зависть не давала спокойно жить. Его называли гением литературы, а меня графоманом. Хотя и сам я отлично понимал, что мои стихи ничего не стоят. А тут кто, Мишка Лермонтов — болтун, неудачник по военной службе, пишет гениальные произведения. Его романами зачитываются, пишут музыку на стихи, словно весь мир сошёл с ума. — Странная гримаса передёрнула его красивое лицо, сделав уродливым.

— В тот роковой день, я был оскорблён своей бездарностью. И шёл лишь с одной целью, убить гения. У барьера тщательно прицелился и хладнокровно выстрелил.

Николай Мартынов вновь замолчал, схватился за горло, словно пытался разорвать тот невидимый железный жгут, душивший его. Игумен слушал исповедь хладнокровного убийцы, сосредоточенно перебирал плетённую из овечьей шерсти бронею в форме кольца, словно про себя читал молитвы.

— Да, глупец! Тщеславие меня подвело! — воскликнул в отчаянии Мартынов.

— После выстрела я подошёл и нагнулся над ним, мне в тот момент показалось, что он не дышит, и я поцеловал его в губы. Оставил печать на его губах в знак примирения. Вот такая штука. Это было пятнадцатого июля в седьмом часу вечера, около горы Машук в Пятигорске. Мы поспешили укрыться от непогоды, шёл проливной дождь. Михаил умер на месте, хотя когда я целовал, его губы были тёплыми. Слуги же, забирая убитого барина, говорили, что поэт ещё дышал, когда привезли его тело в чилаевскую усадьбу. А я попросил сжечь его окровавленный мундир за хорошее вознаграждение.

Имя Михаила Лермонтова у всех на устах, он — гений и будет жить в веках. Рядом моё имя убийцы — Николай Мартынов. Многие в свете считают, что я дуэлью прикрыл запланированное убийство. Я не жду посмертной славы. Последнее время всё чаще ощущаю тот поцелуй, и его тёплые губы. И, задыхаясь, словно кто-то специально перекрывает мне воздух. Я всё сказал.

Он низко склонил голову к ногам распятия Иисуса. Свет от пламени свечей в подсвечниках слепил глаза и растекался, застывая твёрдой каплей.

Игумен подошёл к распятию, стал рядом с Мартыновым, наложил руку на его голову:

— Сын мой! Православная вера говорит нам о том, что Господь есть любовь. Он не наказывает. Народная мудрость гласит, что нет греха непрощённого, но есть нераскаянный. Ты же пришёл к покаянию. Грешным является каждый человек, но всё же тяжесть проступков бывает разная. Ты убил себе подобного и осознал это истинным покаянием. Ты раскаялся в пагубности содеянного и в низости падения. Тебе

Надежда Миркова

горько и страшно от понимания, что совершил, но без этого страха невозможно и покаяние. Иди с Миром. Но, увы, от себя никуда не уйдёшь!

Январь 2021 года

Кладоискатели

Рассказ

*Посвящается моему отцу
Николаю Никифоровичу Королёву.*

Вечереет. По селу разносится музыка, звучат старинные песни. Тёплый летний вечер, где цветы и травы с наступлением сумерек источают неповторимый, пьянящий аромат, который окутывает приморское село. Гармонист развернул меха своего инструмента. Парень в рубахе, подвязанной бичевой, босой, залихватски исполняет «плясовую». На огонёк и звуки гармони к этому двору подтягивается молодежь. Стихийно прямо у хаты и на улице развернулась танцевальная площадка. Но гармонист почему-то резко передумал, и затягивает «страдания», да так, что слушатели трепещут от восторга, готовы плясать и петь до утра.

Стайка местной детворы собралась на завалинке вокруг местного сторожа деда Васьки. Он, как всегда, в кроличьей шапке зимой и летом, с берданкой через плечо, в кирзовых сапогах и с козьей ножкой в зубах. Всякому хочется послушать его байки. Захватывающие истории сыпались из его уст, как из рога изобилия.

Миколка, двенадцатилетний подросток, пригладил вихрастые кудри, пристроился рядышком и, затаив дыхание, застыл в ожидании. Его младший брат Толяшка обезьянкой копировал старшего. Шмыгая носом, прилизал и без того гладкие русые волосёнки, по-турецки скрестил загоревшие ноги, преданно приник к плечу брата.

— Я был вот таким же! — затягиваясь самокруткой, начал издалека свою историю дед Василий. — Вот, в аккурат, как они, Миколка и Толяшка. Ещё до революции семнадцатого мы с родителями приехали жить в ваше село. Отец нанялся к Туркину. Владимир Михайлович — дельный инженер. Хваткий, деятельный. Он потомок турчонка, которого после взятия Измаила привёз в Таганрог солдат Андреев. Турчонок был крещён и принял фамилию и имя солдата.

Андреевы-Туркины владели рыбными промыслами и заводами. Сами из простых, трудом и усердием выбились в люди, получили образование.

Вот Владимир Михайлович и обосновался в нашем селе. Был управляющим у самого барина Щабельского. Тот жил с семьёй по заграницам, мы его никогда не видали, но дом смастерил знатный. Вы его каждый день видите, но в те времена он был словно из сказки.

— Ты дед ври, да не завирайся! — воскликнул гармонист, резко сжав меха.

— Ну, прямо сказка, облупленный, потрескавшийся. Не качественно делали, вот и разваливается!

Дед Василий пропустил мимо ушей колкую реплику. Смачно затянулся табачком, пустил вверх над головами сизые кольца и продолжал:

— Владимир Михайлович, человек совестливый.

Надежда Миркова

Он с доходов построил для местных ребятишек одноклассную школу, а чуть позже двухклассное училище. Оно и ныне стоит у дороги, там вот эту ребятню уму разуму наставляют.

Он обвёл, притихших рядом с ним детей долгим, придирчивым взглядом. Некоторое время молчал. Полез в карман рубахи за табачком. Смастерил новую козью ножку.

— Ну, так вот, — продолжил он свой рассказ, медленно покуривая, — женился на нашей крестьянке-красавице. Значиться, обзавёлся семьёй, нацелился жить долго и счастливо, но беда пришла, откуда не ждали. В семнадцатом грянула революция. В двадцать четвёртом раскулачили и выслали, а в тридцать третьем, когда он вернулся, совсем расстреляли. Дом отобрали и разместили в нём склад. Хотя Туркины и считались хозяевами, а жили не богато. Полученные средства вкладывали в хозяйство.

— Дед, ну ты словно у него в гостях бывал! Побойся бога, тридцать третий год, а на дворе сейчас тридцать девятый! — опять возмущился гармонист. Он с раздражением поставил гармошку рядом с собой на завалинку.

— Да помним мы твоего благодетеля! Скупердяй! Мой батька дюже жаловался на него. Он кровосос и всё тут, одним словом сказано! Была у него чёрная тетрадка, в ней о каждом работнике прописано. Словно и не спал никогда, только и делал, что следил за всеми. А при расчётах с заработка рыбаков и других подённых мужиков в три шкуры драл и богател. Благодетель! Правильно его красные расстреляли. Дай лучше табачок, он у тебя, видать, ядреный! Самосад?

— Михай, не цапай! Я тоже помню, как год назад он тебя стегал вербой, когда ты с дружкой в подземный туннель

направились залезть. Считай, ты уже парубок, за девками бегай, песни распевай, но баловством заниматься не смей! На смех курам залезли в ход, а он возьми и обвались. Крику было! А я сторожую, и не пойму, кто кричит и откуда. Вроде из-под земли раздаётся, но и вроде всюду кричат. Благо, рыбаки увидели мои мытарства и беготню над обрывом туда-сюда, сюда-туда. Они только с моря пришли, рыбу выгружали. Пришлось из берданки пальнуть маленько в воздух, чтобы поспешали. Слава Богу, вовремя подоспели, на вожжах вытащили на свет божий этих двух олухов. Дюже я испугался, шо задохнутся под слоём земли, но, увидав их, ночью сердцем маялся, уснуть не мог, так натурально они чертей напоминали. Вот он, Михай, возьмите его за три копейки. Имя дружка пока не назову, а этот сам нарвался. — Кивнул дед Василий в сторону гармониста.

— Михай метнул на деда злобный взгляд, поднял гармошку и, наигрывая бравурную мелодию, пошёл по проулку. За ним потянулись парни и девчата постарше. Музыка удалялась, разносилась эхом по притихшим ночным, сельским улицам. Миколка дёрнул деда за рукав рубахи.

— Дедуль, а какой подземный ход, он и сейчас есть? Дедушка, ну расскажи!

— Был ход, но не про вас. С той поры засыпали его, и больше ни одна живая душа об нём не вспоминала. И вы забудьте. Лозы на вербе много. Я совсем не старый — догоню, выпорю.

— Дедушка, ты о доме ещё не всё рассказал? — спросил Миколка, ласково улыбаясь.

— О, дом всем домам дом — целая усадьба! — воскликнул дед Василий и погладил Миколку по голове.

Надежда Миркова

— Пытливый мальчонка! Я-то понимаю, куда ты klo-нишь. С первого разу предупредил, но потом не взыщи.

— Дед, шо пацана пытаешь, начал сказ так и зачни. Нам тоже есть интерес послушать. Мимо усадьбы ходим, а что и как, мало кто знает. Мы новые поселенцы. — Вклинил-ся в разговор один из мужиков, пристроившихся, как и ребя-тишки, на завалинке. Дед Василий от удовольствия приоса-нился и с расстановкой продолжал:

— Вы же все видали, что эта усадьба окружена высо-кими размашистыми тополями. В мою молодость они были молоденькими, но я ещё застал и видел целый ряд красивых колонн. Они располагались в два ряда параллельно берегу моря. А слева от главного дома стоял ещё один дом со странной красной крышей, приподнятой по углам. Главный дом больше походил на церковь.

— А где таинственный ход? — пропищал тоненьким голоском, и почему-то заикаясь, Толяшка, широко раскрыв лазоревого цвета глаза. И вдруг он запнулся на полуслове от тяжёлого взгляда деда Васьки.

— Меня не зря на должность сторожа определили. Сейчас усадьба без хозяина. Склад убрали. Собираются ре-монты произвести. А мелюзгу пузатую, словно магнитом, к нему притягивает! — он ещё раз сурово посмотрел на под-ростка и сердито помахал перед его носом, пожелтевшим от табака, указательным пальцем.

— Всё вынюхивают, во все щели лезут. О подземном ходе забудьте, даже ежели бутылью самогона премируете, не сдамся и с правильного пути не сверну!

От этих слов Миколка тихонько толкнул брата в бок и загадочно подмигнул.

— Спасибо, дедушка, мы с братом пойдём, батька приказал допоздна не задерживаться. В другой раз дослушаем.

— Да, да! — подтвердил Толяшка.

— Нам батенька, строго-настрого приказал к Туркиному дому не подходить и сторожа не дразнить! А то придётся нашивать лубок на мягкое место! — и он легонько похлопал себя по ягодицам. Дед Василий даже растерялся. Он вдруг остался без главных слушателей.

— Вот досада, напугал мальцов! Теперь, наверное, и ночью спать не будут. Но, главное, волю родителя выполняю, нечета им гармонист Михай, разгильдяй и баламут! — подытожил сторож.

— Толяшка, мы с тобой сами найдём этот подземный ход, а если повезёт, и клад. — радостно затараторил Миколка.

Брат ничего не понимал из его быстрой, пылкой речи, только растерянно хлопал белёсыми пушистыми ресницами.

— Сам не дослушал и мне не дал! — загапризничал он.

— Эх ты, нюня. Наш дедушка Абрам тоже об этом подземном ходе говорил. Вспомни, на той неделе рассказывал, как перед революцией работал у Туркина по плотницкому делу. В подземном ходе стропила и подпорки меняли. Говорил, что выход вёл к обрыву, что была деревянная лестница и спускалась к морю. Помнишь? Дедушка часто повторял, тот ход прорыт недалёко от колодца. А где колодец мы хорошо знаем, с пацанами разведку проводили. — Зелёные бесенята заплясали в его глазах и смешинками разбежались на губах.

— Засыпали! Засыпали! — передразнил он сторожа. Как бы ни так, плохо прятали. А я сам, один нашёл, искал и нашёл. Моя нога случайно провалилась в яму прямо над об-

Надежда Миркова

рываю. Там ещё видел куски деревянных ступенек, засыпанных землёй. Он вдруг резко остановился, взял брата за плечи и повернул к себе.

— Смотри, мамке и батьке ни гугу!

Толяшка глядел на него, не моргая. Конечно, ему очень хотелось стать кладоискателем, как брат. Но он-то хорошо помнил отцовский наказ и ремень, который висел на гвоздике, на входной двери.

— Не переживай, братишка, — весело воскликнул Миколка. — Мы с тобой выстоим! Пацаны не верят в эту затею. Бросили меня одного. А дед Васька пусть важничает, без него обойдёмся!

И вдруг он запел звонким голосом и размашисто зашагал, чеканя шаг, по пыльной дороге: «Врагу не

сдаётся наш гордый отряд! Пощады мы с братом не про-о-осим». Меньшой постарался приноровиться к его быстрому шагу и тихонько подпевал, горько сожалея, что не успел выучить любимую песню старшего.

— Так, Толян! — Миколка снова резко замер на месте и заглянул в небесно-голубые глаза братишки. — Не грусти! Ты ложись спать, я всё давно подготовил, если хочешь, с собой возьму и разбужу пораньше, до петухов. Ох, и влетит нам! Мамка, наверное, все глаза проглядела! Пуцай меня лупцуют, я стойкий! Бежим!

Поднявшись до восхода солнца, братья помчались к морю, сверкая пятками.

— Я даже небольшую отцовскую шахтёрскую лопатку прихватил и в его же сидор сложил,

— на бегу, еле переводя дыхание, докладывал Миколка. — И свечи, и спички, моток промасленной веревки, кусок хлеба присыпал солью и бутылку молока взял. Тебе одному хватит. Повезло, мамка меня, не заметила.

На подходе замедлили шаг, и крадучись, внимательно просматривали местность. Ночь выдалась совершенно безлунной. Небо затянуло тучами. От залива тянуло прохладой. Склон горы сильно порос непроходимыми зарослями шиповника, бузины. Полевые травы и осот щедро раскинули свои корни на плодородной почве.

— Да, здесь можно и глаз выколоть, трудно пробираться в потёмках среди кустарников! Ещё и на змею наступишь! — нудил Толяшка.

— Эти ветки цепкие, порвут рубаху, штаны, мамка заругает! Придём домой с поцарапанными руками и ногами, что скажем, где были? А, Миколка?

— Не бурчи и иди молча. Змеи ночью спят. А вот сторож услышит твои причитания, лозинкой точно схлопочешь по мягкому месту. Ориентир вижу, близко. Не ной! Мне тоже больно, но я терплю! — наставлял старший брат младшего.

— Толяшка, помоги обвязаться верёвкой, держи крепко, я буду спускаться. Поправь на спине сидор. Только ты не дрейфь! Веди себя тихо. Молоко и хлеб — это тебе. Сейчас края ямы зачистим, — Миколка терпеливо поучал братишку, а сам уверенно орудовал лопаткой. «А лаз-то глубокий и там темно!» — растерянно подумал Миколка, но меньшому старался не показывать свой испуг. Проход узкий и лезть кладоискателю пришлось в крошечной темноте.

— Ничего, я докажу всем, кто храбрый! Пусть и страшно, и сыро, и холодно, но я всё равно ничего не боюсь.

Надежда Миркова

— как бы уговаривая сам себя, тихо шептал Миколка, медленно спускаясь, и когда почувствовал под ногами опору, дёрнул за верёвку.

— Толян, ты меня слышишь? Я стою на земле, всё отлично!

Вначале он передвигался в кромешной темноте, согнувшись, ощупывая руками пространство, чтобы не спотыкаться, но всё равно часто падал. Наконец-то вспомнил о свечах, зажгёт одну и пошёл вдаль по проходу.

— Надо же, а стены туннеля обшиты деревом, и они довольно-таки высокие, напрасно я ползал по земле, как слепой котёнок! — разговаривал он сам с собой. — Здесь мог спокойно пройти не один взрослый человек. Правда, кое-где уже перекладыны успели прогнить!

Дышать стало тяжело от спёртого, сырого воздуха. Пахло плесенью, над головой от перекрёстных балок свешивалась гирляндами паутина. В центре узорчатых кругов восседали жирные пауки, ждущие своей добычи. При отблесках свечи они ретировались в более тёмные закоулки. Примерно через час пути проход стал сужаться и Миколка уткнулся в приоткрытую железную дверь. Пришлось приложить немало усилий подростку, пока она с металлическим скрипом открылась шире. Мальчишка просунулся в проём. Рядом, недалеко от ног, что-то копошилось, шелестело и попискивало. По лицу скользнула лёгкая волна воздуха, словно невидимая птица пролетела над головой. Мальчик почувствовал прикосновение чего-то мягкого и пушистого. Шуршание и посвистывание не прекращалось. «Неужели летучие мыши»? — промелькнула в голове Миколки страшная мысль. Он вдруг вспомнил, как отец рассказывал, что эти ночные

вампиры запутываются в волосах, высасывают кровь до капельки из жертвы. И главное, живут они в тёмных пещерах и подземельях. «А я как раз и нахожусь в таком месте!» — от одной такой мысли он ощутил противный холодок в груди.

Свеча погасла и не желала загораться. Миколка оставился и боялся сделать лишний шаг в темноте.

Спички отсырели и, раз за разом, приходилось чиркать по коробке. Не вдруг, но свеча разгорелась, и задрожало трепетное пламя. Подросток обомлел, перед ним сидело лохматое существо и тарацилось своими красными глазами-огоньками, высунув огромный язык. В этот миг ему пришли на память рассказы дедушки Абрама про чертей. И именно этот портрет чётко выплывал из темноты. Торчащие уши, нос пятаком и длинный хвост крючком. Весь покрытый шерстью, небольшого росточка чертёнок прыгнул на Миколку, стал поскуливать и облизывать лицо.

«Всё, сейчас проглотит и утащит в преисподнюю!» — пронеслась шальная мысль, и Миколка закричал, стараясь оторвать это дьявольское отродье от себя. Но чёрт не отставал, и тогда не раздумывая, мальчик сунул ему в пятак свечкой. Чёрт заверещал, спрыгнул, и растворился в темноте. Запахло жжёной шерстью.

— Ага, получила, нечисть поганая! Будешь знать, как приставать! Я ещё сейчас переkreщусь и отче наш прочитаю три раза.

Он стал раз за разом креститься и шептать молитву. А вокруг ещё сильнее запищало, заскулило. Мальчику показалось, что он попал в ад, и его прислужники устроили вокруг него ритуальную пляску. От страха волосы на голове зашевелились. Тени от свечи тоже плясали по стенам, пугая странными причудливыми видениями. Сердце лихорадочно

Надежда Миркова

затрепыхалось, когда увидел, как в одном из углов земля задвигалась, закопошилась, издавая при этом странные звуки.

— Змеиное гнездо! — воскликнул Миколка, он в страхе отпрыгнул в сторону и провалился в бездну. Страшный треск и непонятное шуршание сопровождали его падение. Ему показалось, что он совсем потерял возможность соображать. Свеча погасла, но он крепко зажал её в руке. Пытался подняться, достать из кармана штанов спички, но какая-то неведомая сила зажала его руку и крепко держала. С трудом высвободился, и трясущимися руками всё же ему удалось снова зажечь свечу.

Ощущение реальности постепенно стало возвращаться. Он увидел себя зажатым между стенкой и каким-то бревном. Висящий на спине сидор, не давал возможности освободиться. «Напоминает ручку колодца для подъёма воды». — Подумал Миколка. Всем своим весом налёг он на эту скользкую деревяшку. Перед глазами была каменная стена, но она почему-то стала двигаться. В освещённом проходе он увидел небольшую комнату, на каменных подставках стояли, средней величины, деревянные бочки.

— Вот так-так! Я нашёл второй ход? Радостная новость заискрилась надеждой, что возможно и клад рядом.

Попытка открыть хотя бы одну из ёмкостей не увенчалась успехом. Разочарованный, с огромной злостью, подросток стукнул лопаткой по дну одной из бочек, и тёмная жидкость просочилась на землю, пахнуло вином.

— Так это вино? — разочарованно воскликнул Миколка.

— Думал сокровище, а там — винище! Да ну его, посмотрю всё вокруг, а вдруг и сундук с золотом найду.

Хрустальные грани

В дальнем углу, через расщелину пробивался дневной свет. Проход сузился и опустился, так, что даже его худосочное тело не пролезало. Пришлось снять и бросить сидор, стать на четвереньки и ползти вперёд, прокладывая себе путь лопаткой. Вскоре лопатка вошла в пустоту, и Миколка соскользнул вниз, на дно большой ямы. Резво встал на ноги, отряхнул с головы и тела липкую землю, огляделся. Огромная яма, стены гладкие, выложенные из кирпича со странными узорчатыми буквами.

— Да! — воскликнул горе-кладоискатель. — Я попал в тот самый старый колодец! Даже мой отец, имея почти двухметровый рост, самостоятельно из этой мышеловки выбраться бы не смог! Он, молча, посмотрел вверх. Слабые солнечные лучи проникали через щели деревянной крышки в подземелье. Миколка точно знал, что эта крышка закрыта на большой амбарный замок. Много раз с друзьями пытались её открыть. Мальчик смотрел отрешённо на прочную кладку стен и понимал, что теперь назад возврата нет. Страшная мысль молнией пронеслась в голове: «Но как же теперь выбраться из этой бездны? Я попал в западню? А там, на горе маленький братишка один! Эх, какой же я дурило, ну зачем потащил его с собой? — Он мысленно корил себя. Клад не отыскал, сидор отцовский с верёвкой и прочей снастью потерял! И вот теперь приходится сидеть на дне холодного кладенца и горько

сознавать, как станет он посмешищем в селе».

Миколка уронил голову на колени и зажал руками. Лёгкий поток воздуха отвлек его от тяжёлых дум. Он почувствовал, как из тёмного туннеля потянуло сыростью. Оглянулся, и душа ушла в пятки. Тень, напоминающая чёрта, снова пролетела мимо, сверкнув огненными глазами. Миколка замер,

Надежда Миркова

превозмогая ужас, прислушался. Шорохи усиливались, где-то посыпалась земля, и ему почудилось, что там, в туннеле огромное войско чертей собирается на шабаш. Он потревожил адское логово, ему этого не простят. Представил, как сейчас всё вокруг заходит ходуном от их диких танцев. Ведь не зря земля начала так быстро сыпаться. «Это они меня хотят здесь похоронить?»

Страшные фантастические мысли в этот миг казались реальностью. Нервы кладоискателя не выдержали, и он резко закрыл лицо руками и закричал во всё горло. Наверху слышались шаги и знакомая брань сторожа деда Василия. Он видно растерялся, когда услышал душераздирающие крики из колодца. Его руки тряслись, и как назло, ключи старик всё время ронял на землю, они, падая, звонко бряцали. При этом сторож ежеминутно сквернословил так, что вяли уши. Прошло какое-то время, деду Василию, наконец-то, удалось открыть поржавевший замок, и Миколка увидел знакомую голову в облезлой кроличьей шапке, с козьей ножкой в зубах, в ореоле лучей дневного солнца.

— Ты как там оказался? Это же надо, вот шалопут! Хорошо, что я мимо проходил и крик услышал.

От счастья, что его нашли и помогут выбраться, Миколка загорланил во всю мощь: «Врагу не сдаётся наш гордый варяг. Пощады никто не жела-а-а-ет.»

— Чего разорался? Шагай к проходу, там в проёме лестница, а за нею дверь. Собаку мою Пальму не встречал? Она вас всех хорошо знает, может, тебя бы увидала, и за тобой бы вышла! Прошмыгнула в приоткрытую дверь в туннель, я её звал, звал, не идёт рыжая, хвостатая бестия. На днях где-то ошенилась. Наверное, и сама не помнит где, вот и бегаёт, ищет приплод. Из-за неё дверь не закрываю. Пото-

ропись, тебя в моей сторожке брат дожидается! Натерпелся страху мальчонка! А я чую, хто-то скулит, думал, что моя собака Пальма в кустах у обрыва оценилась или ещё какой басурман выискался. Подполз по-пластунски поближе, на всякий случай берданку снял и направил в ту сторону. Давно, правда, не стрелял. Но для устраски треба! Бачу, на траве валяется бутылка с остатками молока. Хлебные крошки рассыпаны. И пацанёнок, лет восьми, заглядывает в провал у обрыва, сидя на корточках, горько плача, причитает, и зовэ пискляво:

— Миколка, брат, я домой хочу, есть хочу, вылезла-а-а-а-й! Я его легонько за ухо приподнял и к себе в каморку привёл.

— Выпороть бы вас! Ещё вчера, у завалинки, на гульбище понял ваши действия. Но, малость не успел перехватить, видать заспал. Ума не приложу, и куда это ты девался? Наверное...

— А я ваш клад нашёл! — торжественно доложил Миколка, не дал деду до конца выразить своё возмущение.

— Какой ещё клад? Никогда никакогоклада не було! Я шутоквал, а ты поверил? — озадаченно спросил сторож и от удивления даже выронил свою самокрутку. Она, шипя, упала на одно колодца рядом с незадачливым кладоискателем.

— А я всё равно нашёл! — Миколку распирала гордость. Только теперь до него дошло, что он совершил подвиг. И точно знал, как о нём, Миколке, и его братишке Толяшке долго буду судачить мужики и бабы по хатам. А пацаны со всей округи пусть завидуют! Он стоял на самом дне колодца, босой, с ног до головы облепленный землёй и глиной. Горделиво поднял голову и смотрел вверх, как по небу над шапкой сторожа проплывают белоснежные облака.

Надежда Миркова

— Красота! — восторженный возглас вырвался из груди Миколки.

— Дедуль, зовите мужиков, а то всё вино в землю уйдёт. Там одна бочка с гнилым дном. А винища-то видимо-невидимо!

Август 1971 года

Всякая рухлядь

Рассказ

Обожаю путешествовать в поездах с разговорами, доброжелательным попутчиком и интересной книгой. Под монотонный стук колёс всегда мечтается легко. За окнами проплывают, меняясь, пейзажи. Станции, посёлки, города, а в каждом доме живут люди со своими большими и маленькими проблемами. Кто-то пьёт чай в одиночестве, с кошкой, поглядывает в окно, провожая безразличным взглядом проходящий экспресс. Вот в окнах двухэтажного дома загорелся свет в одной из комнат. Человек, возможно, вернулся с работы, но никто не встречает его, одинок? Грустно? Конечно, грустно. Я представила иную картину. Мужчина открывает двери, а на встречу бежит малыш, радостно крича:

— Папка пришёл!

Из кухни доносятся аппетитные запахи, и выглядывает милое, улыбающееся лицо жены. В руках поварёшка. На фартуке яркая хохломская роспись. Глаза цвета весеннего неба искрятся нежностью.

— Мы ждём! Да, Мишутка? Она наклоняется, поднимает сынишку на руки, и они вдвоём обнимают отца. Стол

накрыт белоснежной скатертью. Приготовлен ужин любимому, желанному мужчине. Скажете сказка? Нет, в этом доме поселилось счастье.

Стучат колёса, они словно поют нескончаемую песню: «Тук-тук-так-так-так». Вижу речку, обрамлённую зарослями кустарников. На берегу фигура рыбака в высоких резиновых сапогах, на плечах дождевик. Ранняя весна, почки деревьев и кустарников только набухают. Природа просыпается от зимней спячки, сбрасывает с голых веток дремудремоту. Ветки распрямляются и тянутся ввысь, в серотёмное небо. Скоро станет ярче светить солнце. Заиграют в небе ласточки и стрижи. Зашебечут в ветках воробьи, устраивая базарные разборки. Рыбак провожает поезд любопытным взглядом. Наверное, нахмутив лоб, пытается восстановить в памяти расписание проходящих поездов.

— Ну, и какой прошёл? Скорый, аль нет?

Только рыбка вернула его в действительность. Подсела на крючок, затрепетала, засверкала серебристой чешуёй, натянув леску. Жаль, поезд пролетел и не дал мне досмотреть эту картинку, но я уверена, удача на стороне рыбака. Видно невооружённым глазом, он не новичок в этом деле, сумеет умело подвести сачок под добычу и...

— Вот так удача! Улов шикарный, килограмма так два с половиной! Жинку порадую! Состряпает на ужин и ушицу, и жаркое.

Новая остановка. Новые пассажиры. Прежние сошли на предыдущей, и я некоторое время ехала в плацкартном отсеке одна в приятном одиночестве. Входящие пассажиры пытаются протиснуться в узком проходе с багажом. Прикрываясь книгой, рассматриваю попутчиков.

Надежда Миркова

Женщина и при ней мужчина лет пятидесяти поставили увесистые сумки у моих ног. Шумно размещаются, и, продолжая, наверное, незаконченный диалог, ворчат друг на друга. Женщине я сразу не понравилась. Она окинула мою личность сумрачным, обещающим неприятности взглядом. Я удивленно посмотрела ей в глаза, мысленно чертыхнулась и с обидой подумала: «Вот так дела! Ехала, ехала и приехала. Кожей чувствую, что большие проблемы до конца поездки мне обеспечены».

Недружелюбная гримаса исказила её не очень молодое лицо. Опасный блеск заиграл в юрких маленьких свинячьих глазах. Свистящий шёпот неопрятной женщины вернул её спутника на землю. Всё время, пока его дама вела со мной незримый бой взглядом, мужчина стоял между полками в полу расслабленном состоянии, с кривой усмешкой. Я мельком посмотрела и на него. Он был довольно крупного телосложения. Руки труженика, в мелких ожогах. «Сварщик»! — решила я. То, что это заядлый курильщик, я определила по отпечаткам никотина на пальце и то, как он по-хозяйски бросил пачку сигарет на общий столик. Наверное, и добро под воротник закладывает! Об этом мне поведал стойкий запах перегара.

— Что глазищи таращишь на всякую рухлядь? — раздался колкий намёк со стороны дамы в мой адрес.

Я не осталась в долгу, мило улыбнулась её попутчику и обещающе подмигнула. В его серо-пепельных глазах вспыхнул огонёк желаний. Он, пряча от своей половинки улыбку надежды, подмигнул и мне. Контакт есть. Вторая половинка готова к дружескому соседству, но с первой, скорее всего, я потерпела поражение.

Соседи пересели за пустующий боковой столик. Они положили руки на стол, соединив их в одно целое и, мило воркуя, любовались пейзажами за окном, никого вокруг категорически не замечая. Любовная идиллия!

Меня такая тактика устраивала. Молчание — золото. Настало время ужина, и я разложила на столике свои запасы котлеты, свежие помидоры. Окинув хозяйским взглядом кулинарные творения собственных рук, я решила эти ручки вымыть. Но после возвращения из туалетной комнаты, двух котлет и одного помидора не досчиталась. От удивления резко присела на своё место.

— О-о-о! И куда исчезли котлеты? — негромко возмутилась я и растерянно посмотрела по сторонам. Вагон полупустой. За стеной женщина с детьми. Когда я мимо проходила, они лежали на полках и смотрели в свои телефоны. Я остановила испытывающий взгляд на сладкой парочке. Душистый аромат от котлет витал в воздухе.

Любвеобильные соседи продолжали смотреть в окно и на мои возгласы и бровью не повели. Они демонстративно завесили проход простынёй. Что мне оставалось? Доесть то, что не успели воришки стащить. Расстраиваться не собиралась, не тревожить же из-за пустяка проводника! Кто-то сильно хотел кушать и не сдержался от соблазна полакомиться чужими продуктами. На здоровье!

На десерт я выложила из сумки пирожки, вишнёвое варенье и заварила душистый чай. Скороспелые молодожёны за простынкой нежно целовались и хихикали. Поцелуи хорошо прослушивались. Но когда аромат свежесваренных трав защекотал ноздри, мужчина не выдержал и выглянул из-

Надежда Миркова

за белого полога. Его желудок восстал и требовал кушать, к сожалению, любовными утехами сыт не будешь.

Но твёрдая рука мадам, с ярко красным маникюром, развернула непослушную голову мужчины назад, желая и дальше наслаждаться нежными объятьями. Только вот кавалер возмущался и шептал:

— Жрать хочу. Хоть бы хлеба или колбасы с собой взяла!

— «Доширак» будешь? — послышался за занавеской лилейный голосок.

— Утром «Доширак», в обед «Доширак» и вечером «Доширак». Я котлет хочу и пирожков с мясом таких, как у неё, и борща! Но ты и его готовить не умеешь.

— Я не умею? — взвизгнула дама сердца.

— А кто в прошлый вторник нахваливал?

— Пойло! Что ты вцепилась, отпусти руку! Я не выдержу долго так, если будем питаться только «Дошираком». Надоело, всё решил, больше не удержишь, баста, ухожу!

От его резких движений простынка упала, и на меня смотрели два глаза мадам с расширенными вертикальными зрачками. Овал лица округлился, и тёмная полоска усиков над верхней губой ошетичилась. «Гюрза приготовилась к атаке! — молнией пронеслись странные мысли у меня в мозгу. — Сейчас ударит! Ведь её соплеменница бьёт быстро, хлётко, и жестко. — сама удивилась такому сравнению. Но я тоже не рухлядь!» — и мысленно приготовилась к бою.

— Предупреждаю, у меня хорошие результаты по дзюдо! — громко и чётко проговорила я вслух.

Мужчина отреагировал на мой голос. На лице кавалера расцвела жизнерадостная улыбка, он подмигнул мне левым глазом, резко встал и пошёл решительным шагом по вагону в сторону выхода. Дама, старше бальзаковского возраста, лихо подхватила сумки и, сгибаясь под их тяжестью, бросилась за ним в погоню. Благо, в это время поезд остановился, и сладкая парочка выгрузилась на перрон. Я заняла позицию наблюдателя у окна. Чертовски было интересно узнать продолжение. Хотя в народе говорят: «Милые бранятся, только тешатся!»

Он что-то ей громко кричал, при этом яростно жестикулировал руками.

— Как жаль, слов не разобрать! — охала я.

Мадам широкой грудью закрывала дорогу своему мужчине, но уговоры не действовали. В отчаянии женщина толкнула ногой сумки и одарила злобным взглядом мой силуэт в окне. А я, раз за разом, разводила руками в разные стороны и задыхалась от смеха. Поезд тронулся, и медленно стали растворяться в вечерней дымке и перрон, и женщина, восседающая верхом на баулах, и уходящий быстрым шагом в противоположную сторону от неё, изголодавшийся любовник.

Проводник включил освещение, от захлестнувших меня эмоций, я всё не могла сосредоточиться на сюжете романа. Эта сладкая парочка будоражила моё сознание. И, укутав плечи тёплой шалью, смеясь, я прошептала:

— Сто против одного и всё в мою пользу! Вот так-то, мадам! Вот вам и всякая рухлядь!

Май 2021 года

Хлеб — дому глава

Рассказ

— Ну, вот опять, опаздываю! — Анастасия Павловна, женщина серебряного возраста, вытащила из сумочки телефон.

— Время быстротечно, годы мои годы! — сокрушалась она. — Правнук заждался, и воспитательница злится. Детишек, наверное, давно всех родители разобрали, а мой Мишутка, как всегда, один на скамеечке в беседке. Сердитая воспитательница — ерунда! Главное — счастливые глаза ребёнка, что вот, и за ним пришли!

Анастасия Павловна торопилась, спускалась вниз по лестнице панельного пятиэтажного дома, стараясь перескакивать через две ступеньки, поправляя на ходу соломенную шляпку.

— Ну и жара! Иду, малыш, иду! — твердила она, как заклинание, делая шаг за шагом.

— Анастасия Павловна, ну, сколько можно! — с негодованием встретила её Мария Ивановна, девушка тургеневского возраста с рыжими кудряшками, собранными на затылке в пышный хвост.

— У меня куча проблем, работы непочатый край, а вы, как всегда, позже всех! На кухне остатки хлеба в чашке замочены, раскиснут совсем, в кисель превратятся, голубей подкармливаю. Много остаётся, куда девать ума не приложу? — и она от возмущения закатила глаза в небо.

— Ой, хорошо, что напомнили, нам с Мишуткой тоже по пути в магазин забежать надо, батон нарезной прикупить! — с благодарностью воскликнула Анастасия Павловна.

Хрустальные грани

— Да, вы правы, Мария Ивановна. Сейчас городские не знают цену хлеба. Вы вот голубям отдаёте, доброе дело делаете, а другие просто выбрасывают под мусорные баки. В былые времена моего детства каждый кусочек был на вес золота.

Анастасия Павловна присела на лавочку и привлекла к себе правнука.

— Немного отдышусь. Простите, ради Бога, что часто опаздываю. Сегодня давление скрутило, и каждый раз новые проблемы со здоровьем. Понимаете, это в мои-то годы, восемнадцать плюс! — она задорно рассмеялась своей шутке. — А внуки-то работают допоздна, Мишутка на моём попечении. — Она приласкала малыша.

— Да, о чём это я? Ах, да, о хлебе! Вы присядьте, успокойтесь, куча вашей работы никуда не убежит от вас. Я немного посижу, ваш садик, словно райский уголок в бетонных джунглях.

Анастасия Павловна обвела внимательно взглядом территорию.

— Так вот, в продолжение нашего разговора о хлебе, хочу вам рассказать одну маленькую историю.

Воспитательница опять закатила глаза и закусила верхнюю губу.

— Давно это было, очень давно, ещё на заре моей юности, но помню всё, как сейчас. Каждое лето родители отправляли меня в деревню к родным. Мне тогда было лет десять. Раздолье — огурцы с грядки, малина. Но самое вкусное — парное молоко с хлебом. Бабушка его выпекала по особому рецепту.

Прабабушка Мишутки подвинулась на лавочке, приглашая воспитательницу присесть рядышком. Но Мария

Надежда Миркова

Ивановна никак не отреагировала на приглашение и стояла с суровым видом, постоянно нервно вздыхая.

— Короче, — увлечённая детскими воспоминаниями, Анастасия Павловна не замечала глубоких вздохов воспитательницы, — моя бабушка была докой в выпечке хлеба. Этим она славилась на всю таёжную округу. Представляете, с вечера ставила квашню на заварных дрожжах из шишечек хмеля. Поднималась до восхода солнца, месила тесто и выбивала о стол его долго-долго. Я с дедушкой спала на лежанке русской печи. Вы, наверное, не знаете — это такой отопительный «котёл» тех времён. Просыпалась я от этих частых ударов. Тихонько слезила с печи, чтобы не разбудить дедушку, усаживалась у стола на лавку и замирала мышкой. Боялась, как бы бабушка не прогнала, так как она предпочитала работать в одиночестве, и не разрешала трогать муку и тесто.

Анастасия Павловна на минуту замолчала, вытерла лицо батистовым, кружевным платочком.

— Как же всё-таки сегодня жарко, правда! — с милой улыбкой обратилась она к Марии Ивановне. Но та продолжала стоять изваянием, и с каменным лицом. Анастасия Павловна неторопливо продолжила свой рассказ:

— Бабушка мне говорила: «Вот Настёна, хлебушек всему голова. Много труда в каждой горстке муки. Чтобы вырастить колос, не одна рубаха от пота истлеет. В нашей деревне молодых благословляют караваем. Дорогих гостей встречают хлебом и солью. А во время войны, даже чёрствый кусочек был в радость».

Анастасия Павловна поправила на правнуке кепку и продолжила свой рассказ:

— Хлеб умудрялись стряпать, из чего бы вы думали? — прабабушка лукавым взглядом окинула воспитательницу,

— ни за что не догадаетесь! Из картофельных очистков! — В её глазах брызнули искорки гордости.

— Да, что и говорить, тяжёлые были времена! Наши предки завещали прививать детям и внукам уважение к труду хлебороба. Хлеб восхваляли, пели песни, сочиняли пословицы. Раньше было такое поверье, если в доме на столе каравай хлеба, то в этом доме достаток.

Воспитательница внимательно дослушала длинный монолог пожилой дамы, улыбнулась с сарказмом, отмахнулась пухленькой ручкой с французским маникюром.

— Это было когда-то, при царе горохе! Сейчас хлеба — завались. Но такой он невкусный! Пекарен развелось, не пересчитать. Вечером покупаешь буханку свежую, только испечённую. Она лёгкая, воздушная, а утром чёрствая, твёрдая, как булыжник, ножи ломаются. Вот люди и выбрасывают, даже голуби не желают клевать это месиво.

Последнее слово Мария Ивановна произнесла с брезгливостью.

— А вы мне сказки рассказываете про завет, про пот в три ручья. Сейчас всё делают машины, а хозяева только руководят и нас покупателей дурят! Сортовое зерно за границу, своему же народу — полу. Из зерновых отходов и пряники, и булочки делают. Пломбы вылетают от такого лакомства!

— Мария Ивановна! — с удивлением воскликнула Анастасия Павловна. — Разве можно подобные речи говорить при детях? Да, много есть нерадивых производителей, но мы обязаны, вот им — она погладила по вихрастой головке малыша, — прививать наши ценности. За родину, за хлеб сражались наши отцы и деды. Хлеб в нашей жизни занимает главенствующую позицию. Ведь это материальный фунда-

Надежда Миркова

мент, который позволяет человеку развиваться духовно. Хлеб — это дома глава!

И она подняла указательный палец вверх.

— Да бросьте вы, мне лапшу на уши вешать, лекции читаете! — язвительно воскликнула воспитательница — Вот им, — она указала на правнука Мишутку, — этот хлеб даже вредно давать. Повторюсь, голуби не клюют! Выбрасываем, нянечки собакам берут, не едят. Только у поварихи Семёновны кабанчик Васька за обе щёки трескает. А потом Семёновна этого кабанчика будет трескать со всеми добавками, что в этом хлебе намешаны.

Воспитательница решила доказать этой заумной мадам, что и сама ни лыком шита.

— Сравнили те времена и эти. Тогда, наверное, и был настоящий хлеб, а сейчас пародия, да и плесенью быстро покрывается.

На её щеках разыгрался нервный румянец, а в глазах плясали молнии.

— Вам пора, наверное, Анастасия Павловна! — Мария Ивановна сделала ударение на имени прабабушки и отошла в сторону от лавочки, чтобы привести в равновесие свои мысли.

— Засиделись вы, что-то, — процедила последние слова сквозь зубы, — скоро магазины закроются, и батон к чаю не купите. — На её лице возникла улыбка с оскалом дикого зверька. — Только маслом сливочным густо намажьте, чтобы не так противно было в рот положить.

У Анастасии Павловны округлились глаза, и её мысли в данный момент свернулись клубком, а конец затерялся. Она хватала ртом воздух, не находя нужных аргументов для обратной атаки.

— Как можно это терпеть? Я не ожидала от вас, от воспитательницы таких ядовитых речей.

Анастасия Павловна не по годам резво подскочила с лавочки, схватила правнука за руку и потащила за собой к входной калитке детского сада с дивным названием «Ангелочки». Но на полпути она резко остановилась, и развернулась так, что правнук очертил полукруг и воткнулся прабабушке в живот лбом. Но Анастасия Павловна не заметила Мишуткины кульбиты. В этот момент она видела только ехидную улыбку Марии Ивановны. Чтобы не остаться в долгу, она пронзила невоспитанную воспитательницу убийственным взглядом и подытожила:

— Сталина на вас нет! Соловки по вам плачут, голубушка! Да, Мишутка?

29 июня 2022 года

Как мне жить без тебя

(Исповедь попутчицы)

Рассказ

— Осторожно, двери закрываются! — голос из репродуктора предупреждал пассажиров электрички. В вагоне не многолюдно. Вошедшие, присев на скамейки, достали смартфоны, и отключились от реальности.

Сидя у окна, я смотрела на мелькающие за ним пейзажи. Погода унылая, хмурая. Серые тучи расплзлись по небу и закрыли солнце. Даже птицы уgomонились и куда-то все попрытались. Природа ждёт чего-то с нетерпением, волнуется в ожидании этого, и каждый человек испытывает необыкновенные ощущения от прихода весны. Шёл апрельский дождь, ещё не тёплый, но и не холодный, пронизывающий, и

Надежда Миркова

затяжной. Небольшие лужи, оставшиеся на асфальте от таяния снега, не огорчают. Дождь сначала сыпал редкими каплями, но вдруг разыгрался, захлестал так сильно, что по стеклам побежали ручейки. Он стал щедро поливать свежую яркую траву, кусты и деревья с молодой, липкой ещё от почек, листвой, озимые поля ржи и ячменя вдали на холмах. Несмотря на пасмурный день, моя душа наполнялась радостью от весёлого весеннего дождя. Занятая своими мыслями, я и не заметила, на какой остановке в вагон вошла женщина и села напротив меня. Чёрный, мокрый головной платок сполз на плечи, и бледное бескровное, заплаканное лицо привлекло моё

внимание. Промокший зонт лежал рядом, под сидением образовалась небольшая лужица. Прижав руки к груди, она смотрела в окно отрешённым взглядом, словно обращалась к небу с отчаянными и безнадежными молитвами. Через какое-то время она резко наклонилась вперёд, её рука с холодными пальцами цепко схватила мою руку и сжала.

— Вам плохо? — немного растерявшись, поинтересовалась я, и попыталась освободиться от нежелательного рукопожатия. Только женщина не отпускала мою руку, со слезами она еле выговорила:

— Да.

Термос и дорожная аптечка у меня всегда под рукой. Прошло немного времени, и лёгкий румянец появился на лице попутчицы. Немного успокоившись, она держала двумя руками большую крышку от термоса и мелкими глотками пила из неё ароматный, горячий чай из луговых трав.

— Спасибо, — тихо прошептала попутчица, но из её глаз всё же текли бурные, горячие, мучительные слёзы. Она склонила голову над чашкой, рыдание сотрясало всё тело. С трудом мне удалось её успокоить. Моё дружеское участие,

скорее всего, расположило к откровенности. Она вдруг решилась излить душу мне, постороннему для неё человеку:

— На кладбище, на могилу к маме я шла под холодным весенним дождём. Ветер дул в лицо, будто злился. Дождевые капли проникали под воротник плаща. Зонт в руке — слабое утешение. На сельском кладбище — безлюдно. Серое небо дополнял угрюмый пейзаж, но мне нужно было идти на могилу мамы, и дождь — не помеха. Шаг за шагом пересматривала нашу жизнь. Я поняла всё: одиночество мамы, страдания, стремления и удары судьбы, мои удары. Живя одна, в родовом стареньком доме, она была трижды одинока, билась безрезультатно в закрытую мою душу. Теперь я повторяю её жизнь, делаю то же самое с тем же исходом. Это — запоздалая месть за мои проступки? Но я смогла растворить в себе её обиду на меня, во мне живёт любовь к ней, но я опоздала на семьсот тридцать дней. Только теперь, в день её смерти пришло прозрение. Поздно? Дождь решил испытать мой характер на прочность. Я не сдалась. Путь к заброшенной могиле был долгий, выстраданный.

Промокшая до костей, дрожащая от холода, я пыталась мысленно высказать всё, что накопилось в душе: «Как захотелось, мама, обнять тебя живую. Впервые в жизни. Ты видишь, что я плачу? Ничего, ведь это первые слезы по тебе! Уходя, я сказала:

— Больше меня не увидишь, не приеду в этот дом. Горькая обида не позволила сказать:

— Я вернусь, не смогу иначе!

Тяжело было уходить вот так, и навсегда, и жить без неё. Закрывая за собой калитку, я оглянулась. Мама стояла на крыльце, скрестив руки на груди, плотно сжав губы, с серым, окаменевшим лицом, с укором в глазах. Этот жёсткий

Надежда Миркова

взгляд подытожил результат наших отношений, и подвёл жирную черту границы между нами. Если бы она меня окликнула, позвала (единственный шанс всё исправить), но... Как хотелось броситься назад, обнять, прижать к груди такие родные худенькие плечи, только она молчала. И я, уходя, уносила в душе огромный груз обиды и потери. Почему не смогла сказать, как люблю? Да, я желала, чтобы мама сама поняла, что именно я могла бы дать ей больше, что именно я — тот человек, с кем бы она нашла то, что так долго искала, и могла бы быть счастлива по-настоящему. Но поздно, семя чьей-то лжи проросло в её душе и дало ядовитые всходы. Только теперь, спустя много лет, в день её смерти я поняла, какую ошибку мы совершили. С треском рвались кровные нити, связывающие нас.

Моя душа металась в поиске решения. Как вырвать с корнем из сердца остатки прошлого? Как забыть дорогу в отчий дом, который был самым желанным и любимым? Как забыть твои, мама, нежные, заботливые руки? Невозможно вычеркнуть из памяти детские годы и твои глаза, мама, излучающие любовь. Но всё это в прошлом! Почему самые близкие и родные предают? Кто бы дал силу это всё понять и пережить, и простить? Как мне жить без неё?»

Даже сама природа старалась смыть холодными дождевыми потоками всю горечь невозполнимой утраты. Молча, я слушала исповедь этой, уже не молодой, попутчицы. Она пыталась сбросить оковы печалей, тревоживших уставшую душу. Ей хотелось выговориться, разделить с кем-то своё горе. Её душевное состояние изменилось, остался лишь осадок, который ещё не скоро излечит время. Её слёзы у меня ассоциировались с

дождевыми потоками за окном, и мне казалось, что это — невыплаканные слёзы умершей матери. Я подумала, что мать

и дочь своими душевными терзаниями заставили плакать и природу. Получается, сама природа решила поставить точку в этом вечном споре двух родных людей, и смыть все прошлые обиды и с души дочери, и с могилы матери. Всё в этом мире взаимосвязано.

Осознание трагедии пришло, но слишком поздно. К сожалению, стрела времени имеет только одно направление. Со временем мы, повзрослев, начинаем многое понимать, когда теряем дорогих нам людей. Только тогда произносим нужные слова, но их уже не слышат те, кому они предназначались, и мы раскаиваемся в том, что делали или не делали, что сказали или не сказали.

Наверное, эта женщина не одинока в своём покаянии, когда испытываешь глубоко, с безысходной скорбью пустоту, которую невозможно возместить уже ничем. Все мы в душе дети и хотим, чтобы нас любили такими, какие мы есть — со всеми нашими слабостями, чтобы верили в нас, чтобы рядом был кто-то старший, мудрый, тот, к кому можно было бы прислониться и почувствовать, что ты ему нужен.

Взрослые дети ещё больше нуждаются в поддержке и совете родителей. Да, лучше поздно, чем никогда, но ещё лучше — вовремя. Живёшь с болью в душе за упущенные возможности в прошлом. Но наша жизнь — всё же другая, и даётся возможность что-то в ней подкорректировать, исправить, не повторить старых ошибок, чтобы она стала той, о которой мечтали родители, о которой мечтают дети. Только вера. Вера в себя. Память не даёт успокоиться и возвращает наши мысли к самому дорогому, самому близкому на свете человеку, подарившему жизнь — маме.

Электричка возвращала мою попутчицу к житейским будням. Резкий сигнал гудка нарушал тишину апрельского

Надежда Миркова

вечера. Свет огней мерцал сквозь дождевые потоки. Она возвращалась в отчий дом, в котором уже никогда не будет самого дорого и любимого человека — её мамы!

Апрель 2020 года

Майские грозы

Рассказ

Середина мая выдалась в этом году на редкость тёплая и солнечная. Моя кошка разлеглась на дорожке в саду и грелась под утренними лучами. Она тщательно умывала мордочку и делала вид, что не обращает внимания на соседского кота, затаившегося среди цветущих кустов малины. Он бессовестно разлёгся на чужой территории, тёр мордочку лапками, делал вид, что умывается. Они не реагировали друг на друга, казалось, что каждый был очень увлечён утренним туалетом. Только нервно двигающийся хвост моей кошки, давал понять непрошенному гостю, хозяйка всё видит и держит под контролем ситуацию. Этим двоим, казалось, было невдомёк, что на небосклоне появилась огромная тёмная туча, которая медленно и величественно плыла по небу, создавая чувство беспокойства. Птицы с раннего утра летали низко, порой задевая крыльями разросшиеся кусты винограда. Словно по мгновению волшебной палочки в нашем саду пропали все звуки, работающие пчёлы улетели, даже мухи спрятались под листья и в щели. Я озабоченно посмотрела в окно и попросила внука закрыть все окна в доме.

— Кажется, идёт, первая весенняя гроза в этом году. Лучше переждём.

Туча стремительно закрыла собой всё небо от горизонта и до горизонта. Поднялся ветер, сначала он был

лёгким, но потом его порывы усилились. Стало быстро темнеть. Мир перестал быть уютным и безопасным. Вдали нарастали раскаты грома. Мой внук всё это время не отходил от окна,

комментируя мне изменения в природе.

— Бабушка, смотри, примерно в двух километрах от нас из тучи косыми струями извергается дождь. А ветер дует в нашу сторону, и гроза приближается. Смотри, смотри, на чёрном небе появился ветвистый росчерк молнии. Ух, как громыхнуло, даже уши заложило. И через мгновение по ушам ударили раскаты грома.

Мальчик, испугавшись, отскочил от окна. Но пересилив страх, и стараясь казаться храбрым, решил выйти на веранду, чтобы понаблюдать за зигзагообразными змейками на небе. Но в это время с неба обрушились потоки воды. Шум стоял такой, что нельзя было разговаривать, капли молотили по крыше, по окнам, по дорожкам сада. Сухая земля с радостью стала принимать в себя чистую дождевую воду, через некоторое время на ней образовались большие лужи, на которых вспухали и лопались, большие пузыри.

Грохот по железной крыше стал нарастать, было такое впечатление, что приближается центр грозы. Молнии вспыхивали одна за другой, а этот грохот заставил нашу любимую собаку забежать в дом и спрятаться под столом на кухне. Мы с внуком смотрели через окно на улицу. Там нескончаемо текли ручьи, которые сливались в один мутный, бурный, поток. В воздухе резко запахло озоном и свежестью. Внук воскликнул:

— Как, дышится легко, мне, правда, немножко страшно, но в то же время и весело! Он с восхищением смотрел на буйство стихии.

Деревья по улице и в нашем саду гнулись почти до

Надежда Миркова

земли. Первые весенние цветы-тюльпаны поникли головками и были прибиты дождём.

— Бабушка, а деревья сейчас начнут ломаться, от порывов ветра?

— Надеюсь, всё обойдётся — ответила я неуверенно. — Бывает и такое. Природа, когда расшалится, удержать не возможно, страдают и машины, и люди, и звери. Стихия не подвластна человеку.

Постепенно дождь пошёл на убыль и вой ветра начал затихать. Вдруг неожиданно всё стихло и через минуту выглянуло солнце. Мы с внуком вышли во двор, и очень удивились, увидав сидевшую на мокрой дорожке нашу кошку, отряхивающую брезгливо лапки.

Соседский же кот сбежал из кустов малины, спрятался в собачей будке, и его хитрая мордочка выглядывала с опаской. Он проверял, закончилась ли гроза или нет. Собака, наверное, потеряла дар речи от такой кошачьей наглости, когда вышла за нами в сад и увидела непрошеного гостя в своей конуре. Она, оскалив зубы, направилась к будке. Кот, предчувствуя опасность, пулей вылетел из своего укрытия, и бросился через весь огород к ограде. Уселся, и сверху, ошалевшими глазами наблюдал за яростными попытками собаки достать его. Только кошке было глубоко безразлично, как её обольстителю удирал без оглядки, спасаясь от острых зубов грозного охранника сада. Она вновь разлеглась на дорожке и продолжала утренние процедуры, прерванные грозой.

С деревьев по листьям стекали крупные капли, как будто дождь ещё не закончился. Всё вокруг посвежело, налилось яркими красками. Махровые головки пионов, умытые дождём, выглядели, ну очень привлекательно. И на траве под солнечными лучами тоже искрились маленькие прозрачные разноцветные изумрудные камешки. Внук поднял голо-

ву и с восхищением смотрел на небо, там высоко, переливаясь всеми цветами, виднелась прекрасная радуга. Словно столб разноцветного света падал с неба и упирался в землю. Первый майский дождь прошёл, и спустя некоторое время о нём напоминали лишь огромные мутные лужи, в которых барахтались голуби. Внук надел резиновые сапоги, и выбежал на улицу. С друзьями они мерили лужи, пускали кораблики.

Перед сном, лёжа в кровати, он с восторгом вспоминал эту весеннюю грозу. Может потому, что она была такая сильная, а может потому, что это была самая первая гроза в мае.

Май 2020 года

Каркуша или знак свыше

Рассказ

— Да! Два года я ждал этого момента. — молодой, стройный, русоволосый парень двадцати лет, стоял на краю плоского плато, босой, в чёрных плавках, любовался с высоты птичьего полёта, пейзажами Чёрного моря.

— Пацаны, впереди целая жизнь! — он закинул мускулистые руки за шею и покрутился торсом из стороны в сторону.

— Два года воинской службы остались в прошлом. Присяга, ночные марш-броски, метание гранат, но Родине отдал долг сполна!

Он осторожно наклонился, посмотрел вниз. Под скалами мирно бились волны. Вода манила прохладой. Его окликнули друзья:

Надежда Миркова

— Ромка, поляна накрыта, давай по чуть-чуть за свободу!

— Юноша оглянулся, махнул небрежно рукой — потом, искупаться хочу!

— Сергей, ты прыгал с этого утёса, как глубина?

Коренастый парень, в синей бейсболке «ADIDAS» и такого же цвета плавках, сидя на траве, на минуту задумался.

— Ну, прыгал, но только ни с этого утёса, а с того, что намного ниже. Давай, двое одного не ждут, обмоем, наконец-то, твой дембель.

Роман, не реагируя на призывы товарищей, старался рассмотреть дно сквозь толщу воды.

— Нет, пацаны, я всё-таки вначале прыгну. А уж потом все вместе вмажем. Кто со мной? Андрей, давай вдвоем!

— Упаси Бог! — Андрей подошёл к обрыву, — такая крутизна, да и жарко! А потом снова плестись на гору?

— Ромка! — с укором воскликнул Сергей, — не дури, от свободы в ноздрях першит? Эйфория зашкаливает? Драйва хочется? Давай спустимся на берег, нырнём пару раз, на гальке положим, позагораем, а вечером по девочкам, в санаторий на танцы. — Он замолчал и с удивлением смотрел на возникшую в солнечном ореоле обворожительный образ юной незнакомки. Она плавной, грациозной походкой шла к ним. Её фигура излучала уверенность и внутреннюю энергию. Морской бриз развеивал волосы рыжего оттенка, которые под лучами солнца горели огненным пламенем. Она грациозно откинула прядь волос, поправила широкополую соломенную шляпку. Пляжная сумка небрежно висела через плечо. В облегающем слитном купальнике бирюзового цвета, с белой отделкой, подчёркивающей загар и красивые формы

тела. Чёрные очки напоминали кошачьи глаза, заострённые в верхней части.

Девушка остановилась рядом, сняла очки, изящно, губами нежно розового цвета, прижала дужку очков. Оценивательно посмотрела вниз на влекущие волны. Перевела завораживающий малахитовым цветом взгляд на Романа. Тонкий, вздёрнутый носик, придал лицу девушки, игривое выражение. Блеснула жемчужно-белыми зубами, и бархатным, чарующим голосом, томно произнесла.

— Не стоит рисковать жизнью, ради прихоти. Там внизу острые камни. Разобьёшься. — Водрузила очки на глаза и кошачьей, неслышной походкой удалилась.

— Припёрлась! — Откуда явилась эта кукла?

Обычно покладистый, в этот момент заупрямился. Зло выругался.

— Мы были одни на этой скале! Точно, рыжеволосая ведьма, ещё и под руку каркает! Каркуша, мы сами с усами! Учить меня будут всякие! — сделал несколько шагов назад, разбежался и прыгнул.

Тёмная, холодная вода поглотила и сомкнулась над головой друга. Сергей бросился вниз по склону. Успел только крикнуть Андрею, кинувшемуся собирать вещи.

— Быстрее на берег, он туда, возможно, выйдет. Да брось ты эти тряпки, что-то у меня тревожно на душе.

Всматриваясь в морскую даль, в нервном напряжении измеряли шагами берег. Романа не было видно. Прошло около десяти минут, море молчало. Через пятнадцать минут, слышался всплеск, вынырнула голова, Роман схватил ртом воздух, что-то крикнул и снова исчез под водой.

Друзья не раздумывая, бросились в пучину.

Надежда Миркова

Нырря раз за разом, почти выбились из сил. Но в последний момент, когда решался вопрос вернуться на берег, и позвать на помощь, на глубине заметили тёмное пятно. Вдохнув всей грудью, Сергей нырнул и тянулся к телу Романа. Андрей подстраховывал рядом. С большими усилиями удалось подхватить утопающего под руки, и вытащить на берег.

— Нахлебался упрямец, но живой, откачаем! — радостно, раз за разом, восклицал Андрей.

— Сюда спустилась та прекрасная незнакомка, помнишь, ну, каркуша? У неё наверняка есть телефон, она точно крутая. Одни очки уйму денег стоят, я в каталоге видел. Скорую бы вызвать! — Сергей с неприкрытым изумлением и разочарованием просматривал безлюдный берег. Красавица словно испарилась.

— Что ты крутишь головой? — крикнул Андрей, — бегом на гору, там, в рюкзаке мой телефон, а я буду продолжать делать искусственное дыхание.

Роман самостоятельно задышал, открыл глаза.

— Андрюха, я смог, у меня получилось выплыть! Но почему такая сильная, ноющая боль во всём теле и совсем не слушаются ноги?

Август 2010 года

ЭССЕ

В гостях у осени

Эссе

Меня всегда очаровывала ранняя осень, самая красивая и живописная пора года. Удивляло то, что она всегда подбирала для себя только жёлтые, красные, оранжевые краски. Сказочная фея, играючи, осыпала всё вокруг золотом. У неё своя палитра, своя особенная атмосфера, понять которую способен не каждый.

В эти дни возникает желание пройтись по аллеям парка на берегу реки «Темерник», который плавно переходит в рощу. В лёгкой дымке утреннего тумана просматриваются изгибы русла. Люблю смотреть на её спокойные воды, на берега, обрамлённые зарослями камыша, на плакучие ивы, которые любят своё отражение... Дикие утки, словно маленькие торпеды, кружат по зеркальной водной глади в поисках пищи. Трава, припудренная инеем, переливается красочной радугой под первыми косыми лучами солнца, оно сейчас медленно поднимается из-за горизонта. На кружевах паутины, запутавшихся в ветках шиповника, крупными каплями сверкает прозрачная роса.

В душе возникает огромное желание прикоснуться к древней истории этой, когда-то полноводной и судоходной реки — Темерник. Мне, чудится, как машина времени переносит мою память на много веков назад. Я пытаюсь познать историю жизни предков и представить, как сюда, в эти привольные края со всех концов Руси бежали, скрываясь в безбрежных просторах, доведённые до отчаяния своими господами крепостные люди ...

Создавались поселения теми, кто пуще жизни ценил свободу. Петр Первый, находясь со своим войском в Азовском походе, посадил в этих местах своё знаменитое дерево «Дуб Петра Великого».

Но вековые дубы растут в этом парке и в настоящее время. Могучие великаны своими корнями уходят глубоко в землю, черпают из её недр богатырскую силу и грустят о былом. Они гордо расправили плечи и с высоты своего величия поглядывают на парк и рощу в золотом убранстве. Мне показалось, покачивая ветвями, приветствовали меня, как первого посетителя. Щедро одарив узорчатыми, тронутыми жёлтой проседью листьями, наполнили воздух необыкновенным терпким ароматом. Небольшой листик дуба, запутался в моих волосах. Я долго, пристально рассматриваю его на солнце.

Осеннее солнце — оно не такое, как всегда, оно яркое, но его лучи как бы пробиваются сквозь невидимую завесу на небосводе.

Осеннее небо — серо-лиловое, облака теряют свою воздушность, наливаются свинцом, а осенние закаты — кроваво-красные, совсем не смертельные, но очень красивые.

Но не все деревья и кустарники осень одаряет дивными красками. Ели и сосны выделяются из общей багряно-золотой цветовой гаммы своими ярко зелёными шубами. Коричневые шишки новогодним украшением повисли на их широких лапах.

А вот любимице липе хозяйка бабьего лета больше всех отсыпала дивных красок из своего волшебного лукошка. Виноград же разукрасила багряным цветом. Кисти рябины, алыми капельками собранные в небольшие гирлянды, сверкают среди жёлто-зелёной кроны. В клумбах радует глаза

Надежда Миркова

кровоаво-красными оттенками принцесса осени — сальвия. Ей не страшны первые лёгкие заморозки. Она радостно зазывает меня полюбоваться её изумительными соцветиями. Я спешу в берёзовую рощу и не могу отвести глаз от того, что увидела. Мне вдруг почудилось, что на ветках висят золотые монеты, и кажется, что от одного дуновения лёгкого ветерка они начнут тут же мелодично звенеть.

Всюду на дорожках — разноцветные мазки клёна, жёлтые разводы берёзы и красные пятна осины. Идёшь и радуешься сказочной красоте палитры этого времени года. Только теперь начинаешь понимать, почему поэты так любят воспевать осень. Разве можно не восхищаться этим великолепием, где позолоченные макушки деревьев просто сияют на фоне яркого голубого неба.

На ветке огромного раскидистого клёна сидит, нахохлившись, большая чёрная ворона и провожает меня настороженным пытливым взглядом. Стаи голубей усердно разгребают листья, ищут на земле семена. Уже через неделю деревья полностью сбросят своё убранство. Парк станет неуютным и холодным. Первые робкие заморозки опустятся на траву, кустарники, деревья.

Грецкий орех сбросит свой зелёный убор. Резким щелчком листья оторвутся от веток и небольшими парашютами полетят, кружась, к земле. Голые ветви сиротливо будут тянуться к небу. Им не верится, что лучи солнца до весны больше не согреют их и не наполнят живительной силой своего тепла.

Рядом с орехом — высокий абрикос. Он тоже вскоре сбросит прозрачно-невесомый наряд. Его листья будут кружиться в печальном, прощальном вальсе. Я поняла, что листья не просто так падали у подножья родного дерева, они

старались создать тёплое покрывало, чтобы согреть в стужу его корни. Всё в природе изменится, поменяются тона и оттенки. Серые, холодные дожди придут на смену солнечным дням. Вода в реке Темерник потемнеет, но не замёрзнет. Дикие утки не покинут территорию водоёма даже в лютые морозы. Они верят людям. В данный момент хрупкую тишину нарушают крики стаи ворон и галок, которые кружат в небе над парком. Жаль, очень жаль расставаться со сказкой. В моей душе возникло огромное желание вдохнуть в легкие как можно больше воздуха и крикнуть:

— Золотая осень, не уходи, порадуй меня ещё немножко! Дай мне насладиться нежными звуками осеннего парка!

Мои шаги приглушает огромный пушистый ковер, сотканный самой хозяйкой-Осенью.

Октябрь 2019 года

Гроза и томик А. С. Пушкина

Эссе

В большом, мягком кресле удобно, уютно, тёплый плед создаёт комфорт, в руках томик нашего «Всё», классика российской литературы А.С. Пушкина — «Повести Белкина». Весенняя гроза предоставила возможность перечитать одну из повестей — «Станционный смотритель». Я сочувствую Самсону Вырину, человеку мирному, услужливому, скромному, не очень корыстному. Смысл жизни для него навсегда утрачен с бегством любимой дочери. Всё, во что верил, на что надеялся, развалилось, словно карточный домик. Попытки изменить ситуацию не принесли успеха, выбранный им жизненный крест, оказалась не по плечу.

Ротмистр Минский для меня тёмная лошадка. С перво-

Надежда Миркова

го взгляда весёлый, обаятельный, состоятельный дворянин, и в то же время — игрок и женский угодник. Увидев изящную, хрупкую девушку в глубинке, в его душе созрел план — увезти девушку. Хочется верить, что этого «гусара» какая-то необыкновенная сила направила именно в этот станционный домик для искушения, и он поддался соблазну. Мы все хорошо знаем то, что любой новый человек появляется в жизни каждого из нас для того, чтобы преподать какой-то урок. И это свершилось!

Маленькая кокетка смогла зажечь в его сердце, уставшем от любовных утех и частых увеселительных вечеринок, огонь пылкой любви. Её выразительные голубые глаза околдовали, подкупали непосредственностью, таинственностью. Образ Дуни вызывает разносторонние эмоции, огромное желание проникнуть в глубину её внутреннего мира, понять, откуда появились в этой юной головке такие вольные мысли? Почему так опрометчиво, приняла она решение бежать с незнакомым ранее человеком, и не из еёсловия? Девушка знала себе цену, часто ловила масляные взгляды мужчин, проезжающих через их станцию, легко вступала в разговор с посторонними, позволяла небольшие вольности — поцелуи, принимала подарки. Многие девочки в юности мечтают о сказочном принце, о красивых замках, дорогих платьях и верят в то, что они самые прекрасные и неповторимые во вселенной. Дуня не исключение. И мне хочется как-то оправдать легкомысленный поступок беглянки.

Причина побега девушки уважительная — это неожиданно проснувшийся вулкан страсти. Новые чувства ворвались в её жизнь ураганом, тропическим ливнем, перечеркнули прошлое, но не рассказали о будущем. Буйный ветер перемен взволновал кровь, заставил учащённо биться сердце, в душе возникла завораживающая музыка, непонятные ощущения влекли куда-то. Противостоять этому не хватало мужества, а главное — желаний. Не пугала неизвестность, ведь рядом был он — единственный, любимый.

Я увлеклась, в своих размышлениях пыталась приоткрыть завесу времени, увидеть тройку резвых скакунов, мчащуюся по просёлочной дороге. Вокруг — необъятная степь, окутываемая серой мглой. А внутри, в кибитке, рядом с любимым, юная дева, хрупкие плечи покрывает цветная кашемировая шаль. Минский нежно берёт озябшие, маленькие руки Дуни, перебирая тонкие, изящные пальцы, пытается согреть своим дыханием, она не противится, их взгляды встретились, девушка смущённо улыбается, а её щёки загорелись румянцем и стали, словно маковый цвет.

Конечно, тревога за отца в этот момент ушла на задний план, мысли путались, всё тело пронизывала сладкая истома, и то, ранее испытанное дома, непонятное чувство, вновь наполнило сердце. Преград мощному фонтану нежности, забившему из родников юной души, не существовало. Этот бурный поток сметал на своём пути всё, и не было в мире такой силы, которая бы смогла ему противостоять.

Девушку Дуню Эрос, сын Афродиты наградил венком любви. Кто сказал, что грешно любить, быть любимой? Стрелами любви Эрос поражает, к сожалению, не всех. Многие люди только думают, что любят, но глубоко ошибаются, принимают частую влюблённость за искрение чувства. Божественный цветок расцветает один раз и благоухает до последних дней,

объединяя два сердца в одно целое, и всю жизнь не увядает. Мы приходим на землю из любви, созданные любовью, и возвращаемся к своему началу через любовь.

Пришло время отцу и дочери расстаться, у каждого своя дорога, и этот путь им предстоит пройти в одиночку. Суровые законы жизни всё расставили по своим местам, Самсон Вырин мог только надеяться, что неразумная дочь вернётся, он ждал, принял бы её любой, поруганной, но живой, не дождался — умер.

Разве беглянке удалось вычеркнуть из памяти родной край, уютный отчий дом? Картины на стенах, девичья спа-

Надежда Миркова

ленка, отец, заполняющий подорожные, уже не молодой, но сильный, добрый — Самсон Вырин. Только слёзы, пролитые на его могиле, подсказывают нам о горьких разочарованиях, разрушенных надеждах женщины, матери троих детей. За всё в жизни приходится платить, и Дуня оплатила всё сполна. Барыня, а возможно, содержанка! Но память не давала быть счастливой до конца, она, словно червь, разъедала её плоть изнутри, вызывая угрызения совести и душевные муки.

Гроза пронеслась, оставив лужи в саду. Полуденные солнечные лучи, пробившись сквозь смоляные тучи, заглядывали в окна дома, напоминая, что пора заняться другой работой. Благодаря непогоде и мысленному интересному путешествию вместе с героями рассказа, я сделала для себя главный вывод — высокое чувство любви пронизывает каждое произведение, созданное Александром Сергеевичем Пушкиным.

30 марта 2019 года

Осенние краски сада

Эссе

Не описать восторг, который вызывает в душе небольшой, но такой уютный садик, расположенный за домом, творение моих рук. Вдоль покрашенных белой краской бордюров до глубокой осени дружно благоухают бархатцы, «Огненный шар» (красно-оранжевых оттенков) и ярко алая карликовая сальвия «Ради», разновидность шалфея. Её чарующий и слегка пьянящий аромат обволакивает и заполняет всё пространство.

В самом дальнем углу изгороди распушились и разрослись в пурпурно-розовой палитре многолетники сентяб-

ринки: под смородиной пристроились нежно-сиреневые, небесно-голубые, чувственно-белые.

Двухметровые кусты «Золотистой» чёрной смородины, образующие живую изгородь между участками, принарядились в багряный наряд с проблесками золотых нитей.

А трёхлетняя ранняя черешня «Бычье сердце» с сочной, тёмно-красной мякотью порадовала крупными ягодами. За лето она окрепла, раскинула новые ветви и собирается сбросить обожжённую солнечными лучами листву.

По соседству с черешней наслаждаются уходящими тёплыми днями дубки, разновидность корейских хризантем. Они украшают грядки яркими цветными пятнами и радуют глаз до самых заморозков. Окраска цветков у хризантем-дубков очень разнообразная: жёлтая, оранжевая, белая, сиреневая. Эффектно смотрятся белые цветки. Они как будто «подсвечивают» пасмурные дни.

В этот сезон порадовала меня груша «Августовская роса» своими крупными, зеленовато-жёлтого цвета плодами с белой мякотью и с нежным сладким вкусом. Её тёмно-зелёные, широкие листья постепенно чернеют, скручиваются в трубочки, отрываясь от ветки, медленно кружатся в прощальном вальсе и тихо ложатся у ствола, словно прощаясь, и нежно его обнимают.

Стволы груши, абрикосы, черешни темнеют, они устали от палящего летнего зноя. Израсходовав силы и энергию на созревание плодов, они теперь хотят спать.

Моей гордостью являются девять сортов винограда. Это, например, сладкий, бело-розовый «Оригинал». От виноградных янтарных гроздьев «Лидии», «Белого великана» и «Белого жемчуга» не оторваться. В каждой ягодке отражается солнечный луч благодатного лета. Крупные кисти исто-

Надежда Миркова

чают медовый аромат. Дикие осы спешат полакомиться и набрать нектара, ведь зима длинная и морозная.

Столовые сорта чёрного винограда «Аполлон» и «Юпитер» — кладёзь витаминов для здоровья на долгие зимние месяцы и прекрасное густое, терпкое вино. Две недели природа нас балует сухой, тёплой и ясной погодой. Виноградные кусты преображаются, меняется цвет листвы. Они приобретают глубокие, яркие оттенки: светло-зелёный, оранжевый, болотный, коричневый.

Это, наверное, самые красивые осенние дни. На ветках деревьев и кустарников одновременно можно увидеть зелёные, красные и жёлтые листочки. Они постепенно опадают, застилая землю пёстрым покрывалом.

30 сентября 2022 года

Содержание

	стр.	
1	Что нужно женщине для счастья	5
2	Ветер перемен	9
3	Лесная гостья	16
4	Подарок королевы	21
5	Знамение	28
6	В июле сорок второго	35
7	Однажды в детстве	47
8	Преступление, как наказание	57
9	Кладоискатели	62
10	Всякая рухлядь	76
11	Хлеб – дому глава	82
12	Как мне жить без тебя	87
13	Майские грозы	92
14	Каркуша или знак свыше	95
15	В гостях у осени	100
16	Гроза и томик А.С. Пушкина	103
17	Осенние краски сада	106
18	Содержание	109

Литературно-художественное издание

Надежда Николаевна Жиркова

Хрустальные грани

Книга вторая

Сборник рассказов

Книга издана в авторской редакции

Вёрстка и корректура Е. Купаровой

Обложка Н. Жирковой

Отпечатано в типографии «Квадрат»

г. Шахты, Ростовской области, ул. Ленина-174

тел 8(8636)25-82-61 E-mail: kvadrat-art@yandex.ru

Сдано в набор 04.02.2024 г. Подписано в печать 03.03.2024.

Формат 60x84 1/16. Печать ризография. Гарнитура Times
New Roman. Объём 8,2 усл. печ. л., 128 с. Обложка полно-
цветная, мягкая, ламинированная.

Заказ № 214. Тираж 100 экз.